109748

СИБИРСКІЙ АРХИВЪ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи и этнографіи Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНЯ 5-й.

№ 1.

Январь 1916 года.

МИНУСИНСКЪ
Электро-типографія Е. Л. Метелкиной
1916.

Иркутская городская центральная библиотека
Единый каталог
199748.
05(57) : 9(57
С-34

СИБИРСКІЙ АРХИВЪ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи и этнографіи Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНЯ 5-й.

№ 1.

Январь 1916 года.

199748

МИНУСИНСКЪ
Электро-типографія Е. Л. Метелкиной
1916.

Сойоны въ началѣ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Первымъ [1]) изъ путешественниковъ 19 вѣка, сообщившимъ намъ свѣдѣнія о сойонахъ, былъ Александръ Чихачевъ, посѣтившій въ 1842 г. западную окраину нагорной равнины верховьевъ Енисея и встрѣтившій кочевья сойоновъ на р. Алашѣ и на Кентеширѣ Между тѣмъ, замѣчательныя путешествія Чихачева не пользуются у насъ должною извѣстностью, такъ какъ его сочиненія были изданы на французскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ. [2]) Поэтому-то драгоцѣнныя данныя, заключающіяся въ трудахъ Чихачева, недостаточно вошли еще въ научное сознаніе. Между прочимъ, не использованы и сообщенные Чихачевымъ въ его Voyage scientifique dans l'Altai oriental et les parties adjacentes de la frontiere de Chine, fait par l'ordre de J. M. l'Empereur de Russie. Paris, 1845. Свѣдѣнія о сойонахъ, если не считать краткаго упоминанія въ составленныхъ П. П. Семеновымъ и Г. Н. Потанинымъ „Дополненіяхъ къ землевѣдѣнію Азіи“ Карла Риттера. [3])

Между тѣмъ, наблюденія Чихачева представляютъ для науки большой интересъ, такъ какъ они относятся къ довольно раннему времени и къ части Урянхайскаго края, рѣже всего посѣщавшейся путешественниками. [4]) Хотя Чиха-

---

1) Ф. Конъ ошибается, утверждая, что «до возникновенія географическаго общества Засаянскій край посѣтилъ лишь одинъ изслѣдователь Матвѣй Александръ Кастренъ». Усинскій край. Красноярскъ. 1914, 19.

2) Ср. І. И. Стебницкій. П. А. Чихачевъ. Извѣстія Императорскаго Русск. Географическаго Общества, т. XXIII, 1891, № 1, I–Io.

3) Землевѣдѣніе Азіи, т. IV, СПБ. 1877, 667 сл.

4) Авторы «Дополненій» упоминаютъ еще лишь о путешествіяхъ Радлова къ сойонамъ въ 1861 г.—А. В. Адріановъ былъ въ этой мѣстности въ 1883 г.; по его собственнымъ словамъ, его маршрутъ совпадалъ съ маршрутомъ Чихачева, но въ своемъ дневникѣ Адріановъ не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній о населеніи края. См. его «Путешествіе на Алтай и за Саяны», совершенное лѣтомъ 1883 г. Предварительный отчетъ. Омскъ, 1883 г., 119 сл.

чевъ и не упоминаетъ ни имени сойонъ, ни названія Урянхай, но все заставляетъ думать, что сойоны составляютъ часть сойотовъ. [5]) Поэтому въ данной замѣткѣ мы и намѣрены познакомить читателей съ тѣмъ, что Чихачевъ пишетъ о сойотахъ—сойонахъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ началѣ іюня 1842 года, въ долинѣ Алаша [6]).

« При нашемъ приближеніи мужчины и женщины въ сопровожденіи нѣсколькихъ совершенно нагихъ дѣтей вышли изъ своихъ убогихъ жилищъ и смотрѣли на насъ съ видомъ удивленія, любопытства и ужаса. Обѣщанія и предложенія, которыя имъ были сдѣланы черезъ меня, на тотъ случай, если бы они доставили мнѣ лошадей, припасы и проводниковъ, вызвали съ ихъ стороны только единодушное признаніе невозможности осуществить мое желаніе, такъ какъ быки служили у нихъ только средствомъ передвиженія, а съ употребленіемъ лошадей они не были знакомы; вообще, они знали слишкомъ о цѣли и причинѣ нашего страннаго появленія, чтобѣ осмѣлиться какимъ бы то ни было образомъ вступить въ сношенія съ нами безъ согласія правительства. Я могъ объяснить себѣ этотъ отвѣтъ только послѣ болѣе подробныхъ разспросовъ, давшихъ мнѣ увѣренность въ томъ, что дѣйствительно находился на китайской территоріи и имѣлъ дѣло съ подданными Небесной Имперіи. Невѣжество и грубая нищета этихъ несчастныхъ туземцевъ, которые дрожа стояли передъ нами, не позволили мнѣ, конечно, ждать отъ нихъ никакой поддержки. Мнѣ нужно было обратиться къ мѣстнымъ властямъ, и такъ какъ я узналъ, что всѣ эти племена были подчинены извѣстному числу зайсановъ, мнѣ стоило большого труда заставить одного изъ этихъ туземцевъ отвести моего толмача

---

5) А. М. Африкановъ въ своей работѣ «Урянхайская земля и ея обитатели» упоминаетъ о слѣдующихъ сумо (родахъ сойотъ: сарыкларъ, кучующаго по р. Алашу; ишиты-орчжекъ, кожигеты.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XXI, вып. 5, 1890, стр. 51.

Изъ сказаннаго выше ясно, что авторъ неправъ, говоря, что пройденная имъ область «въ географическомъ отношеніи совсѣмъ не изслѣдована, точно также и у обитающихъ здѣсь сойотовъ никто изъ путешественниковъ не былъ, не наблюдалъ и ихъ образа жизни, вѣрованій и обычаевъ, сохранившихся больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ отъ монгольскаго вліянія». Jb., 119.

6) По словамъ В. А. Ошуркова, алашъ по сойотски значитъ тарбаганъ. Отчетъ о поѣздкѣ, совершенной лѣтомъ 1902 года въ западные Саяны и западную часть хребта Танну-Олла. Записки Красноярскаго подъотдѣла В. С. О. Императорск. Русск. Географическ. Общества по физической географіи, т. I, вып. I, СПБ., 1906, 3.

У него описаніе долины Алаша, 151 сл.

къ ихъ главѣ, который находился, къ несчастью, въ днѣ пути отъ мѣста. Я охотно бы отправился къ нему лично, но нѣкоторыя соображенія привели меня къ пониманію неудобства предоставить мой караванъ самому себѣ въ странѣ, гдѣ я не зналъ еще, какъ взглянутъ на наше неожиданное появленіе. Замедленіе, вызванное разливомъ Алаша и нѣсколькихъ другихъ ручьевъ, было причиной того, что я получилъ отвѣтъ только черезъ четыре дня. Онъ былъ очень мало благопріятенъ и полонъ хитрости и недовѣрія. Вмѣсто того, чтобы посѣтить меня лично и такимъ образомъ удостовѣриться лицъ въ моемъ положеніи, зайсанъ отправилъ ко мнѣ трехъ лицъ, наружность которыхъ не обѣщала ничего хорошаго. Они заявили мнѣ, что такъ какъ никакой чужестранецъ не заходилъ съ этой стороны въ предѣлы Небесной Имперіи, то отсутствіе прецедентовъ не позволяетъ зайсану входить въ сношенія со мной или исполнить какую либо мою просьбу до полученія инструкцій отъ военнаго губернатора города Улятая, куда зайсанъ собирался отправить немедленно курьера съ этой цѣлью. А отъ долины Алаша до городѣ Улятая считается 8 дней пути. Сдѣлавъ нѣсколько попытокъ избѣжать неудобствъ, а въ особенности длинноть подобнаго рода разговоровъ, я увидѣлъ, что могу разсчитывать только на свои силы; рѣшилъ поэтому во что бы то ни стало найти человѣка, способнаго довести насъ до перваго пограничнаго казацкаго форпоста, чтобы такимъ образомъ немедленно пуститься такъ или иначе въ дорогу. Моя звѣзда мнѣ благопріятствовала. Туземцы, привыкшіе мало-по-малу къ нашему мирному сосѣдству, стали менѣе робкими и убѣдились, наконецъ, что не только можно приблизиться къ стоянкѣ европейцевъ, не подвергаясь опасности получить ударъ кнута (такого образа дѣйствій по отношенію къ туземцамъ, какъ я слышалъ отъ нихъ, держатся китайскіе чиновники каждый разъ, какъ посѣщаютъ эту мѣстность), но только выигрываютъ отъ сношеній съ нами.

И, дѣйствительно, я не пропускалъ ни одного случая дать туземцамъ почувствовать плоды нашей щедрости. Въ скоромъ времени мы стали ихъ лучшими друзьями въ мірѣ,—даже настолько, что вмѣсто того, чтобы отправиться къ нимъ и приручить ихъ ласками, намъ нѣсколько разъ приходилось удалять ихъ изъ нашего сосѣдства: это случалось главнымъ образомъ къ вечеру, когда туземцы оказывались около нашихъ лошадей и изслѣдовали ихъ съ подозрительнымъ интересомъ. Но я придавалъ очень много значенія тому, чтобы ихъ пристрастіе къ лошадямъ не питалось на нашъ счетъ, и потому я отдалъ распоряженіе, чтобы ежедневно послѣ захода солнца

всѣ наши кони собирались тщательно въ мѣсто неподалеку отъ моей палатки, отгороженное вѣтвями деревьевъ и охраняемое двумя часовыми"...

Въ скоромъ времени сопровождавшимъ Чихачева калмыкамъ удалось познакомиться со старикомъ, которому приходилось во время экскурсій съ охотничьей цѣлью (и, вѣроятно, для воровства) доходить до русской границы; тамъ онъ нѣсколько разъ продавалъ свою добычу чужеземцамъ, которые, по сдѣланному имъ описанію, были не кто иные, какъ казаки. «Путемъ подарковъ и обѣщанія удалось убѣдить старика служить намъ проводникомъ, на что онъ согласился подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что это останется тайной для его соотечественниковъ. 5 дней, которые я провелъ въ долинѣ Алаша, дали мнѣ возможность не только начертать орографическую карту этой мѣстности, совершенно неизвѣстной, какъ въ топографическомъ, такъ и въ геогностическомъ отношеніи,— но и изслѣдовать ее научно и собрать кое-какія данныя объ ея обитателяхъ.

Долина Алаша такъ же, какъ и долина Кемчика, населена племенами сойотовъ, которые приближаются къ границѣ со стороны Енисея и извѣстны русскимъ подъ именемъ сойоновъ или саянцевъ. Это—единственное дѣйствительное употребительное названіе: имя сойотовъ, которое имъ даютъ многіе географы, совершенно неизвѣстно народу, къ которому оно примѣняется. Языкъ и образъ жизни сойоновъ представляетъ больше всего аналогіи съ народами, характеризованными нами, какъ монголы тюркскаго нарѣчія; впрочемъ, и въ томъ и въ другомъ отношеніи они гораздо ближе къ монгольскому характеру въ собственномъ смыслѣ слова; но ихъ языкъ тѣмъ не менѣе сохраняетъ неизгладимую печать своего тюркскаго происхожденія, вслѣдствіе чего наши калмыки понимаютъ ихъ безъ большого затрудненія, хотя многія выраженія были имъ чуждыми... Наружность сойоновъ также запечатлѣна характерными чертами монгольскаго типа.

Согласно свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ Алашскими сойонами, представляется вѣроятнымъ, что весь народецъ образуетъ въ административномъ отношеніи двѣ группы. Часть ихъ подчинена непосредственно китайскому правительству; другая часть образуетъ доменъ живущаго въ Ургѣ чиновника —байзана. Урга находится въ 19 дняхъ пути къ востоку отъ Алаша, на дорогѣ, ведущей изъ Кяхты въ Пекинъ. Предки нынѣшняго байзана, по имени Худирдгака, получили отъ китайскаго правительства извѣстное число сойонскихъ семей въ качествѣ вѣчнаго дара. Правительство оставило за собой, по-

мимо ежегодной дани, наложенной на владѣтеля-сюзерена, право контроля и судебную власть въ вопросахъ жизни и смерти. Въ число наслѣдственныхъ привиллегій династіи Ургинскихъ байзановъ входитъ пользованіе доходами, размѣръ которыхъ все же установленъ правительствомъ, и управленіе страной. Сойоны, подвластные байзанамъ, управляются 14 зайсанами, подчиненными надзору верховнаго зайсана, который носитъ титулъ борузайсана и получаетъ дань, собранную первыми, чтобы передать ее лично въ Ургѣ своему сюзерену. Но правительство не оставляетъ вассаловъ безъ своего контроля; доказательствомъ этого является его вмѣшательство въ ихъ дѣла по поводу жалобъ со стороны борузайсана. Меня увѣряли, что совсѣмъ недавно онъ представлялъ Пекинскому двору картину страданій и насилій всякаго рода, претерпѣваемыхъ сойонами отъ лицъ, посылавшихся къ нимъ ежегодно Ургинскимъ байзаномъ для взиманія дани. Лишь въ результатѣ этого обращенія къ верховному повелителю края, правительство распорядилось, чтобы взиманіе налоговъ производилось отнынѣ только черезъ зайсановъ, а сумма всѣхъ поступленій передавалась сюзерену не иначе, какъ непосредственно борузайсаномъ. Названія, присвоенныя чиновникамъ, соотвѣтствуютъ болѣе или менѣе тѣмъ, которыя носятъ народныя власти у алтайскихъ калмыковъ, если не считать нѣсколькихъ измѣненій въ іерархическомъ порядкѣ. Согласно весьма неопредѣленнымъ, малозначущимъ утвержденіямъ туземцевъ, которыхъ я разспрашивалъ, представляется вѣроятнымъ, что число лицъ, живущихъ въ наслѣдственномъ удѣлѣ Ургинскихъ байзановъ, превышаетъ тысячи. Другая часть населенія, зависящая непосредственно отъ правительства, также управляется національными властями, подобными только что описаннымъ нами. Она непосредственно подчинена тремъ уххарда[7])(ouhharda), пребывающимъ въ Улятаѣ, куда отправляются зайсаны для передачи въ ихъ руки суммы дани, состоящей изъ мѣховъ разныхъ животныхъ. Каждый долженъ доставлять три соболя, или 30 штукъ бѣлокъ въ годъ, смотря по возрасту или положенію плательщика. Дорога, которая ведетъ изъ долины Алаша и Кемчика къ Улятаю, не очень гориста, но испещрена большимъ числомъ потоковъ; ее можно пройти въ 8 дней. Столько же пути отъ Улятая до Урги; между тѣмъ, зайсаны,

---

7) Объ «уххардѣ»—князѣ на Кемчикѣ упоминаетъ Родевичъ; Очеркъ Урянхайскаго края. СПБ. 1910 г., 21.

1) Объ относительной самостоятельности сойотовъ, населяющихъ бассейнъ рѣки Кемчика, говоритъ и Ошурковъ, ор. с., 85 сл.

направляющіеся съ контрибуціей къ этому послѣднему городу, находятся въ дорогѣ 19 дней, при чемъ проходятъ почти всю границу. Ближайшій къ сойонскому царю китайскій пикетъ называется Салги; онъ расположенъ по ту сторону Енисея, въ 5 дняхъ пути отъ мѣстности, гдѣ мы находились.

Религія, исповѣдуемая этимъ народомъ, совершенно тожественна съ вѣрой алтайскихъ калмыковъ. Это ламаизмъ, болѣе или менѣе искаженный грубымъ шаманизмомъ; и поэтому сойоны иногда вмѣстѣ съ моими калмыками прибѣгали къ волшебнымъ обрядамъ своихъ колдуновъ. Въ этихъ обстоятельствахъ они совершали точно такія же церемоніи, какія мы уже имѣли случай видѣть въ Алтаѣ. Тожество обоихъ народовъ проявляется также въ нравахъ, обычаяхъ и т. д. Ихъ невѣжество вполнѣ соотвѣтствуетъ состоянію нищеты, въ которую они повергнуты.

Мѣстности, находящіяся на нѣкоторомъ разстояніи отъ этихъ юртъ, они знаютъ только по имени; естественно поэтому, что они не слышали ни о какихъ другихъ народахъ, кромѣ китайцевъ и русскихъ, которыхъ немногіе изъ нихъ имѣли случай видѣть; русскіе извѣстны у нихъ подъ именемъ уруссъ; могущественному владѣтелю русскаго царства они даютъ имя Чаханъ-хана (т. е. Бѣлаго Царя), въ то время какъ калмыки двоеданцы называютъ императора Акъ Улу Би (Бѣлый Большой Царь).

Все хозяйство Алашскихъ сойоновъ сводится къ овцеводству. Лошади у нихъ очень рѣдки. Для своихъ путешествій они употребляютъ быковъ, которыхъ они сѣдлаютъ и взнуздываютъ, какъ лошадей, съ тою только разницей, что на быковъ не надѣваютъ удилъ, но уздечки проходятъ черезъ кольцо, продѣтое сквозь ноздри. Эти животныя предназначены не только для обыкновенныхъ перевозокъ, туземцы пользуются ими еще для охоты; и по этому быки этой мѣстности, которые, вообще говоря, меньше европейскихъ, имѣютъ гораздо больше живости въ движеніяхъ и бѣгутъ съ достаточной легкостью.

Въ мірѣ, можетъ быть, нѣтъ болѣе оригинальнаго зрѣлища, какъ картина группы сойоновъ верхомъ на этихъ странныхъ бѣгунахъ, мрачный ревъ которыхъ образуетъ крайне рѣзкій контрастъ съ воинственнымъ ржаніемъ, издали возвѣщающимъ приближеніе легкой тюркской или арабской кавалеріи [8]).

---

8) О верховой ѣздѣ на быкахъ у сойотовъ упоминаетъ и А. В. Адріановъ, Путешествіе на Алтай и за Саяны въ 1881 году. С.ПБ., 1886, 19.

Подобныя кавалькады не мало способствовали развлеченію моихъ людей, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда желаніе сдѣлать такую же попытку давало поводъ къ болѣе или менѣе комическимъ сценамъ; вѣдь среди рогатыхъ скакуновъ попадаются очень буйные, которыми нельзя управлять безъ привычки. Какъ то одинъ изъ моихъ казаковъ, очень сильный молодой человѣкъ, атлетическаго сложенія, захотѣлъ показать свои наѣздническія способности: но едва шпоры коснулись боковъ животнаго, какъ оно пришло въ ярость и начало издавать отчаянное мычанье, бросилось полнымъ карьеромъ и унесло всадника при громкихъ взрывахъ смѣха со стороны многочисленныхъ зрителей; послѣ тысячекратныхъ скачковъ и лягапья нашъ смущенный вояка растянулся на землѣ; единственнымъ его утѣшеніемъ было то, что онъ доставилъ всему отряду четверть часа добродушнаго и общаго веселья.“

Затѣмъ Чихачевъ описываетъ пограничный знакъ. „На восточномъ краѣ плоскогорья я замѣтилъ нѣсколько кучъ камней, на которыя мнѣ указалъ мой сойонскій проводникъ, какъ на знаки пограничные между сойонско-китайской территоріей и сагайской, подвластной Россіи. Какъ онъ объяснилъ мнѣ, въ этихъ мѣстахъ онъ встрѣтилъ русскихъ охотниковъ, которымъ онъ продалъ свою добычу; но въ то же время онъ замѣтилъ мнѣ, что въ качествѣ вѣрноподданнаго Небесной Имперіи онъ никогда не осмѣливался переходить ея границы, хотя ея начертаніе и не было опредѣлено никакимъ пикетомъ. У меня были всѣ основанія полагать, что русскіе охотники, о которыхъ шла рѣчь, были не кто иное, какъ казаки сосѣдняго пикета и что въ такомъ случаѣ они составляютъ часть Абаканскаго форпоста“.

Свѣдѣнія, сообщенныя Чихачевымъ, тѣмъ интереснѣе и цѣннѣе для науки, что какъ разъ обитатели западной половины Урянхайскаго края менѣе всего привлекали къ себѣ вниманіе путешественниковъ изслѣдователей. Крайне любопытны данныя объ организаціи управленія сойоновъ, указывающія на существованіе своего рода феодальныхъ отношеній; хозяйственный бытъ Алашскихъ сойоновъ характеризовался преобладаніемъ интенсивной формы скотоводства-овцеводства.

В. А. Ватинъ.

Хлопоты коллежскаго регистратора Геблера и купеческаго сына Суханова объ отводѣ подъ пріиска земель Качинскихъ татаръ.

Въ архивѣ Усть-Абаканскаго волостного правленія за 1839 годъ хранится нѣсколько бумагъ, относящихся къ дѣлу Красноярскаго купца Суханова объ отводѣ ему подъ пріиска золотоносной площади земли по рѣчки Бизѣ, впадающей въ р. Енисей.

Сухановъ объ этомъ участкѣ сдѣлалъ заявленіе въ Минусинскій земскій судъ еще въ 1835 году.

Согласно § 30 Положенія о частной золотопромышленности въ Сибири, Суханову необходимо было заключить съ владѣльцами заявленнаго участка—въ данномъ случаѣ Качинскими инородцами—условіе, на которомъ бы тѣ согласились уступить просителю въ пользованіе золотоносныя земли по р. Бизѣ.

Хлопоты объ отводѣ пріисковой земли Сухановъ поручилъ своему сыну Михаилу, для чего снабдилъ его соотвѣтствующей довѣренностью.

Алтайскій горный округъ сочувственно отесся къ предпріятію Суханова и поручилъ своему чиновнику коллежскому регистратору Геблеру изслѣдовать золотоносный участокъ земли, получить договоръ Суханова на аренду этого участка у Качинскихъ инородцевъ и, наконецъ, совершить формальный отводъ участка подъ пріиска.

Для устройства этихъ дѣлъ Геблеръ и купеческій сынъ Сухановъ 6 іюня 1839 года явились въ Качинскую думу.

Геблеръ, надо полагать, не „безъ смазки“ со стороны Суханова, весьма рьяно взялся за дѣло. Прежде всего, онъ *рекомендуетъ* Качинской степной думѣ „сдѣлать условіе о вознагражденіи за арендуемый Сухановымъ участокъ земли и копію условія доставить ему **сего же числа** ибо по обязанности своей не долженъ терять время, всякое промедленіе и остановка дѣлъ падетъ на виновныхъ“.

На эту требовательную рекомендацію Качинская степная дума совершенно резонно отвѣтила, что, по смыслу § 30 Положенія о частной золотопромышленности въ Сибири, „постав-

лено въ обязанность лицамъ, подобнымъ Суханову, дѣлать условія предварительно, а не тогда, когда должна отводиться площадь". Между тѣмъ, Сухановъ до сихъ поръ не обращался къ Качинскимъ инородцамъ съ просьбой о заключеніи подобнаго условія.

Что же касается требуемой Геблеромъ спѣшности („сего же числа") заключенія условія, то дума указала, что сдѣлать этого нѣтъ физической возможности. Дѣло въ томъ, что „звѣроловныя мѣста есть принадлежность цѣлаго, а не одной части инородческаго общества Качинскаго родоначалія, а это общество заключается въ количествѣ 3470 душъ, кочевья которыхъ разсѣяны на пространствѣ болѣе 400 верстъ, а роды такъ раздроблены, что въ каждомъ улусѣ изъ 10 юртъ можно найти столько же различныхъ племенъ; и объ уступкѣ Суханову мѣста должно быть извѣщено оно все". Затѣмъ, избираются особые довѣренные не менѣе пяти лучшихъ родовичей отъ каждыхъ 100 душъ; довѣренные, собравшись въ думу, должны обсудить условія уступки земли, и только послѣ этого возможно заключеніе формальнаго договора. Но вся эта процедура потребуетъ большого времени, не меньше мѣсяца, а не то, чтобы «сего же числа».

На угрозу Геблера объ отвѣтственности виновныхъ степная дума просто замѣтила, что она тутъ ни при чемъ: виноватъ самъ Сухановъ, два года не хлопотавшій о заключеніи условія.

Какъ и слѣдовало ожидать, на эту бумагу Геблеръ на другой день, 8 іюля 1839 года за № 16, разразился строгимъ отношеніемъ, составленнымъ весьма безграмотно.

„По посланной,—говоритъ Геблеръ,—мной 7 числа іюня съ № 16 бумагѣ я долженъ былъ того же числа получить копію съ условія о вознагражденіи земель, отходящихъ подъ пріиска купцу Суханову; но вотъ уже нынѣ окончаніе дня 8 числа", а условія все нѣтъ и нѣтъ.

Сославшись опять на межевые законы, по которымъ онъ „не долженъ терять удобнаго времени къ измѣренію", Геблеръ уговорилъ нѣкоего А. Кренева написать подъ его диктовку необходимое условіе, а родоначальника Доможакова попросилъ приложить печать.

Но Доможаковъ отказался это сдѣлать, такъ какъ у него въ это время будто бы было съ собой печати. Между тѣмъ, Геблеръ какъ то пронюхалъ, что печать у Доможакова имѣлась, и онъ даже прикладывалъ ее къ какому то дѣлу. „Слѣдовательно,—упрекаетъ Геблеръ думу,—сказано о не-

имѣніи родоначальникомъ печати несправедливо, и онъ, т. е. родоначальникъ примѣтно находится въ безпорядкахъ, таковыя его недѣятельные поступки я представлю Енисейскому гражданскому губернатору (и представлено). Но если за этимъ еще не исполнитъ дума своей обязанности, то вышнее горное правленіе принуждено будетъ просить съ виновныхъ взысканія "

Качинская степная дума не осталась въ долгу предъ Геблеромъ. Она въ тотъ же день отписала коллежскому регистратору, а 9 іюня послала донесеніе Минусинскому окружному начальнику.

Геблеру.

Изъ отношенія степной думы, отъ сего числа за № 285, ваше благородіе изволите быть извѣстны о причинахъ невозможности составить въ настоящее время условія на уступку земель для открытаго купцомъ Сухановымъ пріиска золотосодержащихъ розсыпей. Но получивъ теперь вашу бумагу (№ 17), она почитаетъ долгомъ отвѣтствовать на нѣкоторые факты, которые, казалось бы, не должны имѣть мѣста въ вашемъ требованіи.

Степная дума въ округѣ подчиняется одному окружному начальнику, съ прочими же присутственными мѣстами и лицами сносится, какъ съ равными себѣ. Но вы, милостивый государь, только что коллежскій регистраторъ, не имѣли никакого права давать ей предписаній о составленіи условія на уступку мѣстъ для открытаго пріиска купцу Суханову, въ чемъ по мнѣнію думы, вовсе не слѣдовало бы вамъ принимать ни малѣйшаго участія, а тѣмъ болѣе упрекать родоначальника въ безпорядкахъ и недѣятельности по этому случаю, или угрожать, что вы о поступкахъ его представите Енисейскому гражданскому губернатору. Изъ чего и замѣтно, что вы нарушаете порядокъ, установленный формами и обрядами; или по молодости вашего чина не успѣли еще пріобыкнуть къ нему.

Ни степная дума и ни родоначальникъ никогда не смѣли не исполнять распоряженія г. окружнаго начальника, какъ ближайшаго мѣстнаго своего начальника. Однако жъ, прежде чѣмъ вы успѣете завинить думу предъ ея начальствомъ въ безпорядкахъ и недѣятельности, она доведетъ до свѣдѣнія, кого должно, о дѣйствіяхъ вашихъ: съ какимъ усиліемъ, въ какомъ видѣ и съ какими средствами вынуждали вы инородцевъ подписываться подъ условіемъ, написаннымъ не по приказанію родоначальника, а съ суфлированія вашего и не писаремъ, по присланнымъ сюда отъ г. исправника по одному дѣлу по-

селенцемъ Креневымъ, и прикладывать къ нему печать, о которой родоначальникъ вовсе не говорилъ, что она находится у письмоводителя Красикова, бывшаго по дѣламъ службы въ городѣ; но дѣйствительно откладывалъ исполненіе требованій ваших до пріѣзда его, такъ какъ члены думы безграмотные и приступаютъ къ дѣйствіямъ по службѣ не прежде, чѣмъ письмоводитель доложитъ имъ буквально полученныя бумаги, прочитаетъ приличные на какое либо дѣло законы и растолкуетъ имъ объ отвѣтственности за нарушеніе порядка; на помощника же изъ поселенцевъ Алексѣева они не могли въ настоящемъ случаѣ положиться. потому что онъ былъ вами напоенъ допьяна и избитъ жестоко за то, что не хотѣлъ писать по приказанію вашему условія.

Минусинскому окружному начальнику.

Вечеромъ 6 іюня прибылъ въ степную думу вѣдомства Алтайскаго горнаго правленія коллежскій регистраторъ Геблеръ съ купеческимъ сыномъ Сухановымъ и еще съ какими то людьми, а 7 числа далъ ей бумагу за № 16, чтобы доставить ему свѣдѣніе, жительствуютъ ли поблизости рѣчки Бизи, гдѣ открыты купцомъ Сухановымъ пріиски золотыхъ розсыпей, инородцы; и имѣютъ ли они отводы на сѣнокошенныя и пашенныя земли. Если имѣютъ, то сдѣлать условіе о вознагражденіи и копію съ условія доставить къ нему **того же числа.**

А между тѣмъ, купеческій сынъ Сухановъ допущенъ г. Геблеромъ къ угощенію нѣкоторыхъ инородцевъ, собранныхъ въ думу для сдачи ясака и другихъ дѣлъ, хлѣбнымъ виномъ, привезеннымъ съ собою, дабы *черезъ то удобнѣе воспользоваться простотой ихъ для пользы своей.*

А при томъ и самъ чиновникъ Геблеръ, будучи въ нетрезвомъ видѣ, напоилъ письмоводительскаго помощника Алексѣева, и заставляя писать со словъ его условіе съ Сухановымъ и обществомъ на уступку земель, избилъ его жестоко за то, что тотъ не хотѣлъ или не въ состояніи былъ исполнить такое приказаніе. Наконецъ, заставилъ присланнаго въ думу отъ г. исправника по одному дѣлу поселенца Кренева такимъ же образомъ писать то условіе, которое. Креневымъ бывъ написано на рублевомъ гербовомъ листѣ, предложено родоначальнику Доможакову, чтобъ онъ приложилъ къ нему печать. Не имѣя въ виду, чтобы самъ Сухановъ просилъ объ этомъ когда либо прежде инородческое общество и почитая невозможнымъ безъ предварительнаго совѣщанія съ онымъ сдѣлать онаго, Доможаковъ рѣшился отказаться отъ исполненія такого предло-

женія, отложивъ такое дѣло до возвращенія въ думу письмоводителя Красикова, отлучившагося на этотъ разъ въ городъ, дабы сообразиться съ порядкомъ, какъ правильнѣе приступить къ выполненію такого требованія.

Однако-жъ, несмотря на это, усилія совершить помянутое условіе со стороны Геблера и Суханова продолжались разными непозволительными средствами, доходящими даже до неистовства, при которомъ Сухановъ ударилъ по лицу ясачнаго Поргая Шалгынова, а Геблеръ, бѣгая по двору и по комнатѣ думы, ругалъ всѣхъ ясашныхъ; и прекратилось не прежде, какъ вечеромъ 8 числа, когда письмоводитель Красиковъ возвратился въ думу и вмѣстѣ съ родоначальникомъ отозвались, что на требованіе г. Геблера степная дума отвѣчать будетъ. Тогда они тотчасъ уѣхали, оставивъ думѣ отъ имени Геблера бумагу съ строгимъ замѣчаніемъ за неисполненіе его требованія и обидными выраженіями насчетъ и. д. родоначалька Доможакова.

Вышеупомянутыя двѣ бумаги чиновника Геблера, а равно и отвѣты на нихъ степной думы, она, представляя у сего въ засвидѣтельствованныхъ спискахъ, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія вашего высокоблагородія о всемъ вышеписанномъ.

Получивши такой отпоръ, друзья—Геблеръ и Мих. Сухановъ—покинули степную дума, которая на этотъ разъ не испугалась коллежскаго регистратора съ его межевыми законами и вышнимъ горнымъ правленіемъ.

Разумѣется, Геблеръ—Сухановъ дѣйствовали не по особому, имъ изобрѣтенному методу, а по установившемуся обычаю запугиванія всякими „вышними“ начальствами и спаиванія «хлѣбнымъ виномъ». И не упрись Доможаковъ, условіе было бы обработано и, конечно, въ ущербъ интересамъ инородцевъ, такъ какъ даже у пьянаго помощника письмоводителя не хватило духу писать то, что «наплелъ» Геблеръ, находясь „въ нетрезвомъ состояніи“.

Минусинскіе старожилы, напр. Н. П. Пашенныхъ, Г. З. Узуновъ, В. В. Федоровъ и др., могутъ не мало порасказать, какъ безсовѣстно эксплуатировали инородцевъ разные аферисты и темные дѣльцы.

Черезъ мѣсяцъ купеческій сынъ Михайло Сухановъ дѣйствуетъ уже совсѣмъ въ другомъ духѣ. Онъ пишетъ въ степную думу, отъ 5 іюля, „покорнѣйшее прошеніе“, въ которомъ онъ „предварительно покорнѣйше проситъ думу собрать инородцевъ, которые болѣе заслуживаютъ довѣрія, и предложить

имъ, не согласятся ли они уступить . . . и на какихъ кондиціяхъ" мѣста подъ разработку золотыхъ пріисковъ.

Въ объясненіе ссылки родоначальника Доможакова, что онъ, безъ совѣта съ письмоводителемъ Красиковымъ, не желалъ приложить свою печать подъ «Геблеровское условіе», необходимо имѣть въ виду то исключительное положеніе, которое занимали въ инородческихъ думахъ ихъ письмоводители.

И родоначальникъ, и улусные князцы и засѣдатели—были сплошь неграмотные люди, но призванные волею судебъ управлять своимъ народомъ, творить судъ и расправу, вести довольно сложную канцелярію, собирать подати и т. д. Естественно, что всѣ эти обязанности они могли исполнять лишь постольку, поскольку у нихъ были хорошіе совѣтники въ лицѣ письмоводителей думъ. Отсюда понятно, съ какой тщательностью и заботливостью выбирались эти лица. Упоминаемый Петръ Ивановичъ Красиковъ былъ изъ отставныхъ хорунжихъ 14 класса. Качинская степная дума приняла его не иначе, какъ заключивъ слѣдующее характерное условіе, которое привожу здѣсь цѣликомъ.

§ 1.

Порядился я, Красиковъ, исправлять должность письмоводителя въ Качинской степной думѣ, начиная съ сего времени (27 января 1839 года) по 1-е января 1840 года за жалованье по смѣтѣ, высшимъ правительствомъ опредѣленное.

§ 2.

Въ отправленіи должности письмоводителя обязываюсь быть совершенно исправнымъ: всѣ поступаемыя въ думу дѣла и бумаги исполнять съ должною поспѣшностью, безъ всякихъ упущеній и промедленія времени, буде нѣтъ на то уважительныхъ причинъ; и вообще, дѣла думы содержать въ такомъ порядкѣ, какой только установленъ по формальному теченію ихъ въ канцеляріяхъ; не допускать при томъ никакихъ незаконныхъ дѣйствій или такихъ, которыя не составляютъ обязанности письмоводителя, но напротивъ того, стараться предупреждать родоначальника и засѣдателей думы, дабы они, какъ люди настолько свѣдущіе по службѣ и большею частью безграмотные, не допускали и себя также до дѣйствій, законами и правами ихъ по степнымъ обычаямъ не дозволенныхъ.

§ 3.

Если степная дума замѣтитъ меня неисправнымъ и нерадивымъ по отправленію должности, то, съ разрѣшенія мѣст-

наго начальства, можетъ удалить меня отъ оной и прежде назначеннаго здѣсь срока, а самопроизвольно до истеченія онаго и безъ сдачи дѣлъ въ приличномъ порядкѣ должности этой не оставлять.

§ 4.

Условіе сіе обязываюсь исполнять въ точной силѣ безъ всякаго нарушенія.

Къ сему условію отставной хорунжій Красиковъ руку приложилъ.

А. Линьковъ.

Село Усть-Абаканское.
3 января 1916 года.

Библіографія.

Н. А. Лопатинъ. *Лѣто среди орочей и гольдовъ*. О-во изученія Амурскаго края. Отдѣльный оттискъ газеты „Далекая Окраина". Владивостокъ, стр. 33, годъ и цѣна—неизвѣстны.

Г. Лопатинъ, по порученію общества изученія Амурскаго края, совершилъ лѣтомъ (1 іюня—26 августа) 1913 г. поѣздку по р.р. Уссури и Амуру „съ цѣлью сдѣлать этнографическія наблюденія, а также собрать коллекціи образчиковъ быта и шаманскихъ аттрибутовъ" (стр. 1); кромѣ того, въ задачи автора входили антропометрическія измѣренія. Отчетная брошюра не даетъ ничего новаго этнологу, но нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщаемыя г. Лопатинымъ о гольдахъ и ороченахъ, интересны. Любопытны указанія автора на семейныя отношенія орочей (стр. 11), приручение животныхъ (стр. 7), „полиандрію и особый видъ ея левиратъ" (стр. 17), женскій костюмъ (ст. 6); описаніе палатокъ—неудачно, такъ какъ выбранъ для этой цѣли не характерный объектъ—палатка ороченскаго старшины. Въ дальнѣйшей части брошюры г. Лопатинъ, между прочимъ, описываетъ шаманское камланіе у гольдовъ и свадьбу, въ коей отмѣчаетъ „сохранившійся культурный пережитокъ."

Брошюра написана въ формѣ беллетристическаго очерка. Многочисленныя опечатки затрудняютъ чтеніе.

Ив. Евсенинъ.

Оборотень.

(Изъ тунгузской жизни).

У подножія громаднаго утеса Нямури, грозно повиснувшаго надъ рѣкою Пидъ, съ давнихъ временъ, ютилась одинокая землянка, въ которой нѣкогда обитала не менѣе одинокая тунгузская женщина Мымча.

Эта была здоровенная представительница своего племени, по силѣ не уступавшая любому мужчинѣ, съ мужскомъ складомъ фигуры и чертами лица и отличавшая на первый взглядъ суровымъ, необщительнымъ нравомъ, хотя въ дѣйствительности это было предоброе существо. Однако объ ней ходили самые невѣроятные толки по всей тайгѣ и народъ, не безъ нѣкоторыхъ основаній, считалъ ее оборотнемъ.

Причинъ къ подобному мнѣнію о Мымчѣ было болѣе, чѣмъ достаточно. Прежде всего, она не походила на женщинъ ея народа, обладала гигантскимъ ростомъ и поразительно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, вела уединенную, замкнутую жизнь, отличалась скрытнымъ, необщительнымъ характеромъ и, кромѣ того, уже изъ достовѣрныхъ источниковъ стало извѣстно, что тѣло Мымчи было покрыто густымъ волосянымъ покровомъ и что Мымчу уже не однажды видѣли въ образѣ медвѣдя.

Мужа ея, лѣтъ десять тому назадъ, задралъ въ тайгѣ хищный звѣрь и злые языки, между прочимъ, болтали, что и въ данномъ случаѣ дѣло не обошлось безъ Мымчи, т. е. въ образѣ мѣдвѣдя будто бы былъ ни кто иной, какъ сама Мымча А поводомъ къ распространенію подобныхъ толковъ послужило то обстоятельство, что народъ, отыскивая трупъ мужа Мымчи, видѣлъ медвѣжій слѣдъ, пролегавшій отъ трупа къ землянкѣ, при чемъ слѣдъ былъ не обыкновеннаго медвѣдя, а оборотня, восминогаго, ибо по обѣимъ сторонамъ на снѣгу было по четыре отпечатка ступней звѣря.

У Мымчи были взрослыя дѣти, дочь и сынъ, но они, пока были малы, ничего предосудительнаго за матерью не замѣчали.

Ихъ, разумѣется, мало трогали странные толки, распространившіеся по всей тайгѣ, объ ихъ матери, но съ возрастомъ недобрые люди постарались поселить и въ дѣтяхъ сомнѣніе и, подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, потомъ они стали недовѣрчиво относиться къ матери.

Прежде всего, дѣти удостовѣрились, что тѣло родительницы дѣйствительно, было покрыто густыми и длинными волосами; затѣмъ, имъ довольно подозрительнымъ казался здоровый аппетитъ матери, какъ непонятны были и другія мелочи.....

Между тѣмъ, странные слухи о Мымчѣ росли и стали чаще тревожить дѣтей, которые, подъ вліяніемъ этихъ толковъ, подтверждавшихся отчасти ихъ личными наблюденіями, стали не только подозрительно относиться къ матери, но и опасаться ея.

Мымча же въ это время ничего не подозрѣвала и, какъ всегда, была ласкова и предупредительна къ дѣтямъ, что нѣсколько сглаживало ихъ отношенія.

Однажды, передъ уходомъ на промыселъ, сынъ занялся заготовкой дровъ, нарубилъ груду огромныхъ лѣсинъ, которыя думалъ свезти къ жилищу по возвращеніи съ промысла.

Послѣ этого онъ отправился бѣлковать, но дорогой раздумалъ и вернулся обратно, съ цѣлью послѣдить, что будетъ дѣлать въ его отсутствіе мать. Но каково было его изумленіе, когда онъ, подходя къ жилищу, увидѣлъ наваленную груду срубленныхъ имъ огромныхъ лѣсинъ уже около земляника. А когда сынъ у мѣста порубки, едва не носомъ къ носу, столкнулся съ медвѣдицей, которая, увидѣвъ охотника, бросилась бѣжать и умчалась въ боръ, то сына обуялъ суевѣрный страхъ и онъ рѣшилъ, изъ опасенія за участь сестры, отложить охоту и вернуться въ жилище.

Мымчу сынъ не засталъ дома; кажется, она уходила ставить силья за рѣку, на глухариный токъ. Братъ, пользуясь отсутствіемъ матери, подробно разсказалъ сестрѣ о всемъ происшедшемъ и о своихъ опасеніяхъ, которыя и побудили его вернуться обратно.

Сколько дѣти ни ломали голову, а ничего иного не придумали, какъ только быть на-сторожѣ и слѣдить за каждымъ шагомъ родительницы, для того, чтобы воочію убѣдиться, что она дѣйствительно оборотень и тогда уже принять рѣшительныя мѣры.

— Когда вернется родительница, то ты скажи ей,—совѣтовалъ братъ сестрѣ,—что я, изъ опасенія встрѣчи со звѣремъ, ворочался за пулями, потому что все равно она замѣтитъ мой слѣдъ. Я же не пойду на охоту, а буду ходить здѣсь, кругомъ, недалеко отъ землянки и буду слѣдить за ней. На всякій случай, я заряжу ружье пулей, вынутой изъ сердца медвѣдя, добытаго прошлой осенью...

Послѣ этого братъ снова ушелъ въ боръ.

Мымча не могла не замѣтить страннаго отношенія теперь къ ней дѣтей и это ее страшно угнетало, ибо дѣти были единственной отрадой въ ея жизни.

Библиотека

Въ отсутствіе сына мать рѣшилась поговорить съ дочерью и, такимъ образомъ, устранить зло, незамѣтно вкравшееся въ ихъ отношенія.

Возвратившись въ землянку, мать вызвала дочь на откровенность и та, тронутая нѣжностью матери, чистосердечно разсказала о страшныхъ, пугавшихъ ее и брата слухахъ, какіе имъ часто приходилось слышать отъ народа и которые отчасти подтверждаются ихъ личными наблюденіями.

Ничего подобнаго Мымча не ожидала. Ей и въ голову не приходило, что злые люди могли вселить такой разладъ, такую пропасть между ней и ея дѣтьми. Каждое слово дочери больно пронизывало и заставляло сжиматься ея любящее материнское сердце. Слушая дочь, она какъ будто оцѣпенѣла отъ ужаса; затѣмъ расплакалась, какъ ребенокъ и, несмотря на искреннія утѣшенія дочери, горько и неутѣшно рыдала всю ночь.....

Эта ужасная ночь была самой тяжелой и мучительной въ ея жизни: многое ей пришлось перечувствовать, пережить; она разомъ осунулась, посѣдѣла, а въ сердце закралась такая же смертная тоска, какую она уже испытала при потерѣ мужа. И чѣмъ больше Мымча думала о постигшемъ ее несчастіи, тѣмъ сильнѣе овладѣвало ей рѣшеніе: ради спокойствія и счастія дѣтей, оставить ихъ навсегда и удалиться далеко на сѣверъ, чтобы разомъ пресѣчь гнусныя сплетни.

Назавтра, рано утромъ, едва освѣтились проблески зари, Мымча уже стала собираться въ дорогу.

Собравъ все необходимое для дороги, захвативъ родовое огниво и посохъ, Мымча разбудила дочь, которой на прощанье сказала:

— Я ухожу.. Людямъ не вѣрьте! Среди нихъ есть и такіе, которые хуже звѣрей.. Сторонитесь отъ нихъ и, въ случаѣ встрѣчи съ ними, когда будете расходиться, не дѣлайте затесей къ своему жилищу. А я любила васъ больше всего на свѣтѣ и всегда буду думать о васъ.....

Послѣ этого Мымча рѣшительно встала и вышла изъ жилища. Дочь подняла плачъ, умоляла мать не покидать ихъ и вернуться обратно, но мать только махнула рукой, быстро направилась къ бору и скрылась.

На слѣдующую ночь медвѣдь, бродившій недалеко отъ жилища, задралъ въ стадѣ лучшую оленную самку и какъ разъ у стариннаго кедра, на которомъ Мымча, уходя изъ дому, повѣсила на память о себѣ, въ подарокъ дочери, лучшій, вышитый бисеромъ поясъ, съ игольникомъ, наперсткомъ и другими женскими принадлежностями. Этотъ случай далъ новую пищу для сплетенъ и поводъ къ такому заключенію, что самку задрала не кто иной, какъ Мымча, оборотившаяся въ медвѣдя; къ тому же, и улики противъ нея были на лицо, въ видѣ пояса, забытаго ею у туши растерзаннаго животнаго.

Послѣ этого дѣтьми Мымчи овладѣлъ суевѣрный ужасъ; они рѣшили покинуть родное имъ стойбище и перекочевать вверхъ по р. Пиду, къ зимовью одного русскаго старика, издавна обитавшаго здѣсь и занимавшагося рыболовствомъ.

Старикъ даже радъ былъ пріѣзду сосѣдей, ибо, на старости лѣтъ, чувствовалъ одиночество. Кромѣ того, за послѣднее время и у него явились нѣкоторыя причины, побудившія его радушно отнестись къ гостямъ и даже искать ихъ общества.

Не далѣе, какъ за день до пріѣзда гостей, со старикомъ приключилось слѣдующее необычайное происшествіе. Рано утромъ онъ, по обыкновенію, отправился на рыбалку. Уловъ выдался обильный. Старикъ рѣшилъ поставить еще нѣсколько сѣтей, за которыми и пошелъ въ землянку. Въ его отсутствіе въ землянку забрелъ медвѣдь. Въ переднемъ углу жилища старика находился столъ, на которомъ лежалъ хлѣбъ и ножъ. Медвѣдь забрался за столъ, взялъ ножъ и, видимо, намѣренъ былъ отрѣзать хлѣба. Въ этотъ моментъ въ избушку зашелъ старикъ. Увидѣвъ медвѣдя, да еще въ переднемъ углу, за столомъ, съ ножемъ въ лапахъ, хозяинъ такъ и обомлѣлъ отъ страха... Съ минуту человѣкъ и звѣрь смотрѣли другъ на друга, но, затѣмъ, у старика отъ страха подкосились ноги и онъ опустился, въ дверяхъ, на колѣни. Медвѣдь всталъ, протянувъ лапу и подалъ старику ножъ. Старикъ также осторожно взялъ ножъ, отрѣзалъ имъ ломоть хлѣба и, въ свою очередь, подалъ его медвѣдю. Звѣрь съѣлъ хлѣбъ, тихо вышелъ изъ избушки и умчался скокомъ въ боръ.

Слушая разсказъ старика, гости ни мало не удивились столь необыкновенному происшествію, ибо имъ то ужъ было извѣстно, кто приходилъ въ образѣ этого страннаго звѣря..

Послѣ ухода Мымчи, дѣти ея зажили спокойно, такъ какъ скверные слухи объ ихъ матери постепенно прекратились. Сынъ занимался охотой, а дочь поддерживала хозяйство и скотъ. Во всемъ у нихъ былъ достатокъ, а въ дѣлахъ—полное взаимное согласіе. Такъ спокойно, богато и счастливо жили дѣти Мымчи до тѣхъ поръ, пока ихъ родительницѣ не пришло въ голову оборотиться въ медвѣдя и навѣстить ихъ.

Однажды, весной, братъ былъ на промыслѣ, а сестра домовничала, вышивая брату поясъ. Дверь юрты была отворена; дѣвушка, время отъ времени, бросала птичкамъ костный мозгъ и кусочки мяса. Вдругъ она увидѣла, что прямо къ юртѣ, съ разинутой пастью, мчится медвѣдица. Дѣвушка перепугалась; бросивъ звѣрю старую подошву, она быстро захлопнула дверь. Медвѣдица обнюхала подошву и заговорила:

— Хороша дочка! Пташекъ кормила мясомъ, костнымъ мозгомъ, а родной матери бросила старую подошву? Такъ знай же, что брата твоего постигнетъ та же участь, какая постигла твоего отца!

Затѣмъ, медвѣдица скрылась. Дѣвушка, того же дня, убѣжала къ народу, гдѣ и осталась навсегда, а брата ея, дѣйствительно, растерзалъ въ бору звѣрь....

Между тѣмъ, Мымча, питаясь пучками и кореньями травъ, претерпѣвая всевозможныя лишенія въ пути, шла все впередъ и впередъ, съ единственной цѣлью: бѣжать безъ оглядки изъ родныхъ ей мѣстъ, бѣжать отъ злыхъ людей, такъ жестоко оклеветавшихъ ее. За осень Мымча преодолѣла огромное разстояніе, выйдя съ Пида къ берегамъ р. Хатанги, гдѣ и пристроилась къ одному богатому тунгусу, въ качествѣ работницы.

Чѣмъ кончилась жизнь этой невинной жертвы людского злословія, неизвѣстно; однако здѣсь Мымча все время грустила о дѣтяхъ, непрестанно безпокоилась объ нихъ, искала случая послать имъ о себѣ вѣсточку. Но годы шли за годами и всѣ попытки Мымчи—были тщетны, ибо тунгусы того мѣста никогда не заходили на р. Пидъ.....

К. Рычковъ.

Моя родословная и событія въ жизни*).

(Изъ хроники Иркутской патріархальной семьи).

Проживъ отъ рожденія своего 58 лѣтъ, я убѣдился, что въ быту семейномъ и общественномъ отсутствіе всякой записи о происхожденіи своемъ и своихъ предковъ составляетъ недостатокъ, который желательно бы по возможности исправить.

Сожалѣю, что берусь за это дѣло поздно, такъ какъ никакихъ записей о прошедшемъ у насъ нѣтъ, спрашивать объ этомъ не у кого, и потому приходится все брать съ памяти.

Батюшка мой былъ Егоръ Герасимовичъ, но кто были его предки и откуда,—это, какъ говорится, покрыто глубокимъ мракомъ неизвѣстности; я упустилъ разспросить родителя, но въ дѣтствѣ своемъ я слыхалъ въ разговорахъ его, что дѣдъ его бывалъ даже въ Нерчинскѣ и, кажется, за звѣринымъ промысломъ, или по казачьей службѣ,—утвердить не могу.—Имена предковъ сохраняются еще въ моей памяти, какъ онъ произносилъ ихъ при ежедневной молитвѣ за упокой: прадѣдъ у него былъ Петръ, дѣдъ Прокопій, бабка Параскева, отецъ и мать Герасимъ и Акилина.

Батюшка имѣлъ младшаго брата Степана Герасимовича, который умеръ холостымъ въ 1812 году. Оба брата лишились своихъ родителей еще въ дѣтствѣ, и воспитывались попеченіемъ бабки, которая занималась приготовленіемъ конопляного масла, и оба внука постоянно принимали участіе въ этомъ трудѣ, при чемъ употреблялась пара жернововъ темнаго камня, въ діаметрѣ около аршина, которые сохранялись во дво-

*) Николая Егоровича Черныхъ.

рѣ нашего дома до общаго Иркутскаго пожара, бывшаго въ 1879 году.

О другихъ ближайшихъ родственникахъ нашей фамиліи батюшка въ разговорахъ не упоминалъ; но владѣтельный указъ, данный изъ Иркутской губернской канцеляріи посадскому Герасиму Черныхъ, отъ 17 февраля 1772 года подъ № 1189, на владѣніе построеннымъ имъ на пустомъ мѣстѣ домомъ (на нынѣшней Мыльниковской улицѣ) указываетъ на сосѣдей съ обѣихъ сторонъ: съ одной—посадскаго Петра Черныхъ, а съ другой—Василья Колупаева; можно предполагать, что первый изъ этихъ сосѣдей былъ родственникъ. При владѣтельномъ указѣ приложенъ планъ домоваго мѣста земли, которая въ границахъ своихъ не измѣнилась до настоящаго времени; но остается непонятнымъ, почему въ указѣ показаны сосѣди съ двухъ сторонъ, тогда какъ домъ былъ на углу двухъ улицъ; вѣроятно, въ тѣ времена означали и тѣхъ сосѣдей, которые проживали рядомъ, даже черезъ проулокъ.

Впослѣдствіи на владѣніе этимъ домомъ выданъ батюшкѣ изъ Иркутской гражданской палаты крѣпостной актъ—7 августа 1819 года за № 195.

Время рожденія батюшки, судя по времени его кончины и старости его, должно отнести къ 1778 году. Изъ отроческаго періода жизни своей онъ, между прочимъ, разказывалъ, что по длинѣ всей нынѣшній *Большой улицы* былъ сплошной тынъ, съ воротами на нынѣшній Амурской улицѣ, которые каждый вечеръ затворялись; въ эти ворота онъ каждый день провожалъ въ поле свою корову на пастьбу и доходилъ до мѣстности, гдѣ теперь существуетъ Благовѣщенская церковь (по не Преображенская); набиралъ тутъ полевыхъ цвѣтовъ и съ ними возвращался домой къ бабушкѣ. Онъ былъ очевидцемъ торжества при открытіи въ Иркутскѣ Намѣстничества.

Были ли тогда въ Иркутскѣ какія нибудь школы,—о томъ батюшка въ разговорахъ не упоминалъ, а самъ онъ обучался грамотѣ, исключительно читать и писать, самоукомъ.

Воспитательница обоихъ братьевъ бабка ихъ Параскева померла, оставивъ ихъ въ лѣтахъ отроческихъ, но въ какомъ именно году—не знаю. Для поддержанія хозяйства батюшка рано вступилъ въ первый бракъ, когда ему исполнилось только 16 лѣтъ. Первой супругой его была Авдотья Тимофеевна Сапожникова, родители которой имѣли свой домъ противъ Басчинскаго дома (гдѣ нынѣ Лечебница), а сестра Авдотьи Тимофеевны, Фекла Тимофеевна, была въ замужествѣ за скорняжнымъ мастеромъ Рубцовымъ, отъ которыхъ дочь, Сигклитикія Александровна, была въ замужествѣ за діакономъ Гри-

горіемъ Жилинымъ, теперь уже умершимъ, но родственныя отношенія какъ со старушкой Жилиной, такъ и съ дѣтьми ея поддерживаются до сихъ поръ.

Сколько времени прожилъ батюшка въ этомъ первомъ бракѣ, сказать не могу; а дѣтей у него было трое: сынъ Матвѣй Егоровичъ, родившійся въ 1796 году и дочери Александра и Параскева; Матвѣй послѣ неудачной дѣятельности въ Иркутскѣ, подъ вліяніемъ своихъ родственницъ, перебрался на жительство въ Кяхту, должно быть, въ 1824 году, потому что при отъѣздѣ держалъ меня на рукахъ, а я этого не помню; въ Кяхтѣ онъ имѣлъ большое скорняжное заведеніе, жилъ хорошо, имѣлъ свой домъ, былъ женатъ на дочери Обухова, Михайла Михайловича, Маріѣ Михайловнѣ.—Затѣмъ дочери, а мои сестры, были въ замужествѣ: Александра Егоровна за мастеромъ серебряныхъ дѣлъ Алексѣемъ Филипповичемъ Туголуковымъ; у нихъ было четыре сына и три дочери, но теперь осталась въ живыхъ только одна Варвара Алексѣевна, бывшая въ замужествѣ съ 1843 года за Петромъ Васильевичемъ Соломатовымъ, а прочія дочери и всѣ сыновья уже въ полномъ мужествѣ померли, а потомство осталось отъ одной только, Александры Алексѣевны, бывшей въ замужествѣ за Константиномъ Никитичемъ Ишуткинымъ. Сестра же Параскева Егоровна была въ замужествѣ въ Селенгинскѣ за Михайломъ Михайловичемъ Махаевымъ и умерла бездѣтною.

При вступленіи въ первый бракъ батюшка занимался въ канцеляріи магистрата и получалъ жалованья по одному рублю въ мѣсяцъ не бумажками, а серебряной монетою. Эти деньги имѣли совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ нынѣшнія, потому что не было роскоши, а было все дешево; напр. муку ржаную батюшка покупалъ по шести копѣекъ пудъ, мясо свѣжее, лучшее по двѣнадцати копѣекъ пудъ; оно продавалось въ лавкѣ подъ домомъ Солдатова, бывшемъ противъ воротъ нашего дома (на Мыльниковской); домъ Солдатова выходилъ на половину улицы, и я еще на прошедшихъ годахъ видѣлъ выходящій изъ земли пень, должно быть, верею отъ воротъ Солдатовскаго дома. Впослѣдствіи этотъ домъ на половину отрѣзанъ въ линію съ домами улицы, а оставшаяся половина сломана въ 1843 году.

Долго ли продолжались занятія батюшки въ магистратѣ, не знаю, только онъ въ молодыхъ еще лѣтахъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Степаномъ Герасимовичемъ, занимался торговлей по деревнямъ и братскимъ улусамъ; затѣмъ, онъ по торговымъ порученіямъ ѣздилъ въ Россію, былъ въ Москвѣ и Кіевѣ, и, какъ путешествіе совершалось медленно, то онъ много видѣлъ около Кіева еврейскихъ и хохлацкихъ обычаевъ, которые и

передавлъ намъ въ разговорахъ. Потомъ, онъ управлялъ въ Иркутскѣ заводомъ Полевого, Алексѣя Евсеевича, кажется, водочнымъ, и другими его заведеніями. Наконецъ, съ 1804 года поступилъ на должность публичнаго натаріуса, раза два оставлялъ ее на короткое время, снова принималъ и померъ въ этомъ званіи, въ 1851 году; и между тѣмъ, имѣлъ большое скорняжное заведеніе и считался мастеромъ лучшимъ, отлично изучилъ выдѣлку всѣхъ шкуръ, подборку соболей, кройку и подборку мѣховъ, а также окраску звѣрей.—Какое изъ всѣхъ помянутыхъ занятій было болѣе выгодно—сказать не могу, только около 1810 года батюшка, вмѣсто старой избы, построилъ новый домъ, распланированный имъ вмѣстѣ съ братомъ его Степаномъ Герасимовичемъ, а впослѣдствіи построилъ всѣ службы при домѣ и скорняжную мастерскую на 7 саженяхъ.

Какъ неизвѣстно, сколько времени прожилъ батюшка въ первомъ бракѣ, такъ неизвѣстно, сколько онъ прожилъ во второмъ, съ Натальей Андреевной, изъ роду Сухановыхъ; но говорятъ, что менѣе перваго и дѣтей отъ этого второго брака не было. Наконецъ, вступилъ въ третій бракъ съ Александрой Ефимовной Сухихъ, нашей матушкой, но въ какомъ именно году—не знаю; только она значилась уже по ревизской сказкѣ 1815 года. Родители ея были Ефимъ Никитичъ и Устинья Васильевна; домъ ихъ былъ недалеко отъ алтаря Троицкой церкви, противъ проулка, ведущаго на Ангару, и весь стоялъ на улицѣ. Фамилія Сухихъ была очень извѣстна въ торговомъ мірѣ. Всѣхъ дѣтей у нихъ было: одинъ сынъ Петръ Ефимовичъ, умершій въ молодыхъ лѣтахъ, оставившій молодую вдову и маленькаго сына Николая, которые впослѣдствіи померли, и семь дочерей: двѣ Параскевы, двѣ Маріи, Александра, Анна и Елисавета; изъ нихъ померли дѣвицами: Марія въ 1854 году, Параскева въ 1844, Елисавета въ 1877 году, а четверо были въ замужествѣ: Параскева за купцомъ Иваномъ Андреевичемъ Одуевскимъ, отъ котораго теперь остаются въ живыхъ Андрей Ивановичъ, семейный человѣкъ, торговый, и двѣ сестры дѣвицы Александра и Марія Ивановны; Марія Ефимовна за купцомъ Александромъ Михайлов. Сибиряковымъ, отъ котораго остался сынъ, извѣстный золотопромышленникъ, Михаилъ Александровичъ, умершій въ С.—Петербургѣ въ февралѣ 1874 года, а отъ него дѣти: Александръ, Константинъ, Иннокентій Михайловичи и дочери: Ольга и Анна Михайловны; Ольга въ замужествѣ за княземъ Влад. Вас. Вяземскимъ, а Анна еще малолѣтняя. Анна Ефимовна была въ замужествѣ за купцомъ Андреемъ Васильевичемъ Климшинымъ; домъ его на углу Мыльниковской и Троицкой улицъ, противъ церковнаго алта-

ря; изъ дѣтей его пяти сыновей и четырехъ дочерей остается одна Евдокія Андреевна, вдова поручика Басова, да отъ одного сына Андрея Андреевича—вдова его Марія Николаевна, урожденная Мыльникова, и сынъ, тоже Андрей Андреевичъ, 31 лѣтъ. Наконецъ, Александра Ефимовна была нашей матерью.

Преже чѣмъ говорить о себѣ, нужно сдѣлать характеристику батюшки. Онъ, какъ сказано выше, учился грамотѣ очень немного, самоукомъ, но былъ любознателенъ; много читалъ, владѣлъ хорошей памятью, любилъ разсказывать по исторіи, церковной службѣ и разнымъ событіямъ Россійскимъ вообще и Иркутскимъ въ частности, съ большими подробностями; при томъ хорошо зналъ гражданскія права по законамъ; служилъ по разнымъ общественнымъ должностямъ; былъ довѣреннымъ отъ города по знаменитому дѣлу о капиталѣ жены Нелопописова, доставивъ нашему городу хорошую пользу; служилъ три трехлѣтія гласнымъ прежней городской думы, при головахъ Медвѣдниковѣ Прокопьѣ Федоровичѣ, Саватѣевѣ Михаилѣ Ивановичѣ и Трапезниковѣ Константинѣ Петровичѣ, съ 1829—1831 г. Характеръ батюшка имѣлъ энергичный; былъ извѣстенъ начальству, такъ что знаменитый хозяинъ города губернаторъ Трескинъ, если чего не могъ получить отъ головы, заказывалъ послать ему огненнаго гласнаго; онъ былъ хорошимъ строителемъ и распорядителемъ работъ; ко всѣмъ служебнымъ дѣламъ относился, какъ къ своимъ собственнымъ и ни въ комъ не терпѣлъ апатичности; ревность къ дѣлу доходила у него до запальчивости и тогда взыскательность свою онъ подкрѣплялъ русскимъ словомъ. Росту батюшка былъ крупнаго—2 аршина 11 вершковъ, крѣпко сложенъ; одѣвался въ сюртукъ, но брюки запускались за соноги; къ сожалѣнію портрета не осталось, по не имѣнію фотографій.

Страшное горе постигло батюшку и всѣхъ насъ 6 декабря 1830 года: мы лишились матушки своей Александры Ефимовны, въ $2^1/_2$ часа пополудни; насъ осталось пять человѣкъ: братъ, Петръ Егоровичъ, 10 лѣтъ; я, 8 лѣтъ; три сестры наши: Евгенія 11, Ольга 9 и Екатерина 7 лѣтъ. Я былъ слишкомъ малъ, чтобы оцѣнить всю важность этой потери, но видѣлъ на старшихъ и въ особенности на батюшкѣ, какъ она была тяжкой! Онъ не находилъ покоя въ своей душевной скорби, видя постоянно предъ собой осиротѣвшихъ дѣтей, а съ другой стороны, терпѣлъ большіе недостатки въ матеріальномъ отношеніи. Когда же, съ истеченіемъ 1831 года, окончилось служеніе его гласнымъ думы и прекратилось получаемое за это отъ купца Ракитина весьма скромное вознагражденіе (по 700 руб. ассигнаціями въ годъ), то батюшка остался

при одних только доходах по должности патаріуса, а они были далеко недостаточны на содержаніе семейства; поневолѣ пришлось ему должиться и платить проценты; сверхъ того, за нимъ накопилось недоимки за непредставленіе въ думу извѣстной части нотаріальныхъ сборовъ—до 1800 рублей ассигнаціями, и въ этомъ долгѣ онъ по необходимости заложилъ свой домъ.

На трехлѣтіе съ 1832 по 1835 г. былъ избранъ городскимъ головой Ефимъ Андреевичъ Кузнецовъ, извѣстный впослѣдствіи золотопромышленникъ—милліонеръ; и по тогдашнимъ обстоятельствамъ изъ всего городского общества образовались двѣ враждебныя партіи: одна—Кузнецовская, другая—Трапезниковская, къ которой принадлежалъ и батюшка; трудно опредѣлить, чего желали эти партіи, а, кажется, просто были разногласія въ мнѣніяхъ по дѣламъ общественнымъ, изъ за которыхъ теперь едва ли кто нибудь согласился бы враждовать, а тогда партизаны обѣихъ сторонъ никакъ не могли сходиться, а тѣмъ болѣе ожидать чего нибудь добраго себѣ отъ противной партіи.

Такого мнѣнія держался и батюшка въ отношеніи къ Кузнецову, но, какъ послѣдствія показали, крѣпко ошибался: Кузнецовъ входилъ въ тяжелое положеніе батюшки—присылалъ одного изъ своихъ гласныхъ сказать, чтобы подалъ просьбу о сложеніи долга; батюшка не могъ вѣрить въ успѣшный исходъ дѣла и медлилъ подачей просьбы; Кузнецовъ повторилъ предложеніе и, затѣмъ, еще напомнилъ; когда же просьба разсматривалась въ собраніи общества и обнаружилось много противниковъ къ удовлетворенію ея, тогда Кузнецовъ открыто настаивалъ нѣсколько разъ, чтобы просьба была уважена и благодаря такому заступничеству, долгъ батюшки, по уваженію заслугъ его, исключенъ; самый же закладной актъ возвращенъ ему и теперь хранится у насъ для памяти.

Между тѣмъ, тяжкое время сиротства нашего, при весьма скудныхъ средствахъ къ существованію, продолжалось своимъ порядкомъ.

По кончинѣ матушки, всѣ мы жили дома при батюшкѣ, и въ первые два года жила при насъ одна изъ двоихъ тетенекъ дѣвицъ, Парасковья или Елисавета Ефимовы Сухихъ, попеременно; иногда и обѣ вмѣстѣ, а то не было никого.—Несмотря на недостатокъ средствъ къ содержанію дома и всей семьи, батюшка, желая дать намъ хотя какую нибудь грамотность, долженъ, нанималъ намъ учителя изъ числа грамотныхъ унтеръ-офицеровъ, состоящихъ учителями воен-

ныхъ кантонистовъ: у этихъ учителей братъ и я учились, не выходя изъ своего дома; учились только читать и писать, да немного ариѳметикѣ.

Сколько времени продолжалось наше ученье, теперь не припомню, но въ 1835 году братъ, послѣ домашнихъ занятій въ письмоводствѣ по нотаріальной части, поступилъ къ занятіямъ въ думу и началъ получать жалованье, кажется, 25 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ; это было въ началѣ года, съ поступленіемъ новаго головы Никонора Петровича Трапезникова, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и батюшка поступилъ на службу письмоводителемъ словеснаго суда за жалованье по 400 рубл. ассигнаціями въ годъ; тогда всѣ мы, какъ говорится, вздохнули посвободнѣе.

Здѣсь я пропустилъ сказать, что въ тяжкіе годы семейнаго горя и оскудѣнія матеріальныхъ средствъ батюшкѣ помогалъ деньгами братъ нашъ Матвѣй Егоровичъ, изъ Кяхты, гдѣ у него было въ лучшемъ состояніи скорняжное заведеніе. Но Господу угодно было испытать батюшку новымъ горемъ: Матвѣй Егоровичъ весною 1835 года заболѣлъ и въ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ померъ, оставивъ вдову и маленькую дочь Надежду; какъ это лишеніе было для батюшки тяжко, помню до сихъ поръ:бывало, сядемъ за столъ обѣдать или ужинать, онъ въ горѣ своемъ зальется слезами, и ничего сказать не можетъ!

Опять потянулись годы съ новымъ горемъ, съ лишеніями, хотя не такъ чувствительными въ матеріальномъ отношеніи, какъ было прежде, такъ какъ батюшка получалъ, хотя и небольшое, но все же постоянное жалованье, да и брату Петру Егоровичу въ думѣ постепенно прибавлялось вознагражденіе.

Все вышесказанное записано мною съ памяти въ 1880 году, послѣ того запись пріостановилась; но теперь наступилъ уже 1893 годъ, а мнѣ отъ рожденія своего уже 71-й. Продолжаю начатое.

Прежде всего, начинаю съ предковъ. Изъ высланной мнѣ Трапезниковымъ Александромъ Константиновичемъ брошюры подъ названіемъ: „Матеріалы для исторіи города Иркутска 17 и 18 столѣтій“, отпечатанной въ Москвѣ въ 1883 году, видно, что въ V книгѣ 2-й ревизіи 1744 года, стран. 37 за 1724 годъ, записаны подъ № 911: Иванъ Шебашевъ, у него братъ Петръ Черныхъ, у Петра дѣти: Прокопій, Петръ. Это, безъ сомнѣнія, наши предки. Какимъ образомъ одинъ братъ именовался Шебашевымъ, а другой Черныхъ,—это можно объяснить только обычаемъ того времени, когда къ фамиліямъ прибавлялись разныя прозвища, а иногда самыя фамиліи замѣня-

ись отчествомъ. Хорошо помню, по разсказамъ тетенекъ нашихъ, Параскевы и Елисаветы Ефимовныхъ Сухихъ, что братъ покойнаго батюшки Стефанъ Герасимовичъ Черныхъ по дѣламъ не рѣдко бывалъ въ домѣ отца ихъ Ефима Никитича Сухихъ, и его постоянно именовали Шебашевымъ.

Теперь начинаю запись о событіяхъ моей жизни.

Годомъ моего рожденія, по разсказамъ покойнаго батюшки, считался 1823-й, 8 сентября, день крещенія—15 сентября; но въ метрическомъ свидѣтельствѣ консисторіи, отъ 9 января 1880 года за № 97, показанъ годъ рожденія 1822-й и сентябрскія числа измѣнены на 18 и 20. Въ отношеніи года не спорю; можетъ быть, батюшка въ этомъ ошибся, но въ отношеніи чиселъ, судя по тѣмъ подробностямъ, какія отъ него слышалъ, я готовъ вѣрить болѣе ему, чѣмъ оффиціальному документу, составленному съ книги, въ которую вносятся записи несвоевременно. Такъ, онъ передавалъ, что рожденіе мое совпадало съ извѣстнымъ праздникомъ Пресвятой Богородицы, который и воспоминался имъ всегда съ особеннымъ благоговѣніемъ, крещеніе же мое совершилось въ день нѣлодневнаго звона 15 сентября (тогда праздновалось коронованіе Государя Александра Павловича); слѣдовательно, если въ этотъ день совершились крещеніе, то не могло же быть рожденіе 18 числа, какъ записано въ метрической книгѣ,— ясно, что она ведена несвоевременно.

Съ поступленіемъ брата моего Петра Егоровича къ письменнымъ дѣламъ въ градскую думу въ началѣ 1835 года, мнѣ довелось вести всѣ нотаріальныя книги и переписывать бумаги по словесному суду; въ этихъ занятіяхъ прошло три года.

Въ началѣ февраля 1838 года секретарь думы Алексѣй Яковлевичъ Чуринъ, человѣкъ хорошо знакомый батюшкѣ, передалъ черезъ брата моего, чтобы я поступилъ въ канцелярію думы. Это приглашеніе соотвѣтствовало моему желанію, чтобы имѣть опредѣленное занятіе, и я поступилъ туда 4 февраля помощникомъ столоначальника третьяго стола; мнѣ назначено жалованье 20 рубл. ассигнаціями въ мѣсяцъ; братъ же мой былъ тогда столоначальникомъ второго стола—исполнительнаго; и получалъ жалованья по 45 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ.

Прошло 11 мѣсяцевъ. Представилась надобность смѣнить моего столоначальника (Попова Прок. Прок.) и я былъ назначенъ на эту обязанность 5 января 1839 года, а вслѣдъ затѣмъ назначено мнѣ жалованье 40рубл. асигнаціями въ мѣсяцъ; это по тогдашнему времени признавалось серьезнымъ жалованьемъ, въ особенности при моихъ лѣтахъ, которыхъ было

мнѣ менѣе 17. Когда братъ передалъ батюшкѣ о размѣрѣ назначеннаго жалованья, онъ не хотѣлъ вѣрить.

— Ты шутишь?—спросилъ его батюшка.

А когда братъ подтвердилъ сказанное, батюшка спрашивалъ:

— Да за что?

И, наконецъ, убѣдившись въ дѣйствительности, тутъ же, за обѣденнымъ столомъ, перекрестился и сплакалъ отъ радости.... Эти слезы радости помнятся мнѣ до сего дня!

Прошло послѣ того съ небольшимъ два года. Я продолжалъ служить въ думѣ, нисколько не помышляя о будущемъ, но представилась неожиданная перемѣна. Въ февралѣ 1841 года, кажется, въ первое воскресенье поста батюшка по дѣламъ нотаріальнымъ былъ у Свѣшникова Александра Андреевича, который служилъ тогда кандидатомъ по градскомъ головѣ (человѣкъ развитой, умный), и пока хозяинъ разговаривалъ съ посѣтителями, батюшка говорилъ отдѣльно съ однимъ изъ нихъ Акимомъ Алексѣевичемъ Титовымъ, правителемъ Иркутской конторы Россійско-Американской компаніи. Свѣшниковъ замѣтилъ отдѣльный разговоръ и спросилъ предметъ его; тогда Титовъ передалъ ему о приглашеніи меня на службу компаніи сначала помощникомъ пакгаузнаго приказчика; но Свѣшниковъ замѣтилъ ему, что изъ думы меня не отпустятъ; тогда Титовъ передалъ свои виды на выгоды дальнѣйшаго моего служенія, и Свѣшниковъ перемѣнилъ свое рѣшеніе.—Выслушавъ отъ батюшки весь этотъ разговоръ, я спросилъ:

— Чѣмъ же это кончилось?

— А тѣмъ,—отвѣтилъ батюшка,—что ты долженъ перейти изъ думы на службу компаніи.

Сдавъ свои дѣла въ думѣ, я представился г. Титову 21 февраля. Онъ оказался для меня человѣкомъ совершенно новымъ, котораго прежде не зналъ; тогда же заключилъ контрактъ на годъ, съ жалованьемъ 600 рублей ассигнаціями (серебромъ 171 руб. 43 коп.). Этотъ годъ прошелъ безъ всякихъ особенностей; занятій было мало.

На слѣдующій 1842 годъ съ 21 февраля я принялъ обязанность транспортнаго приказчика и заключилъ контрактъ съ жалованьемъ въ тысячу рублей ассигнаціями (серебромъ 285 р. съ к.).

По этой обязанности я отправился изъ Иркутска 1 мая при товарахъ, слѣдовавшихъ въ Охотскъ.— Сплавъ по Ленѣ не представлялъ ничего особеннаго, но отъ Якутска къ Охот-

ску путь лежитъ на верховыхъ лошадяхъ: въ моемъ транспортѣ было 105 вьюковъ; верховая ѣзда съ непрывычки и при моей молодости была тяжелою; въ первый же день, по отправкѣ отъ Якутска (кажется, 8 іюня), я испыталъ особенную милость Божію въ сохраненіи моей жизни. Вотъ какъ было.

Ѣхали шагомъ, часа черезъ два сталъ накрапывать дождь, я вздумалъ обновить свой клеенчатый плащъ, отвязалъ его отъ сѣдла, расправилъ, положивъ поводья на сѣдельный передокъ, и лишь размахнулся, чтобы надѣть на плечи—только и видѣлъ: лошадь, казавшаяся спокойною, взбѣсилась, и понесла съ дороги въ лѣсъ во весь махъ; удерживать ее я не умѣлъ, растерялся, и на всемъ маху соскочилъ, а лошадь умчалась далѣе. Единственнымъ свидѣтелемъ этого событія остается теперь Николай Петровичъ Лаврентьевъ, который ѣхалъ передо мной; увидѣвъ несущуюся въ лѣсу лошадь безъ всадника, а меня сидящимъ на землѣ, подбѣжалъ ко мнѣ съ вопросомъ:

—Не ушибся ли?

—Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

Осмотрѣвшись, я увидѣлъ кругомъ пеньки отъ вырубленнаго лѣса; оказывается, я угодилъ какъ разъ между ними; подайся въ какую нибудь сторону, хотя на поларшина, и я могъ бы убиться, или покрайней мѣрѣ изувѣчиться! Спасеніе свое отъ этого бѣдствія я отношу къ молитвамъ моего батюшки, который благословлялъ меня въ путь въ христіанскомъ настроеніи духа.

Путешествіе отъ Якутска до Охотска продолжалось до половины іюля (числа не припомню); переночевавъ въ Охотскѣ, я отправился въ обратный путь съ новымъ транспортомъ, и пріѣхалъ въ Якутскъ 13 августа; тогда же погрузили товары на рѣчное судно Ив. Пр. Басина и потянулись вверхъ по Ленѣ людьми, по 50 человѣкъ въ смѣну; повыше Киренска разгрузились на мелкіе паузки; потянулись на лошадяхъ, дошли до Жигаловой и, наконецъ, 13 октября я возвратился домой благополучно, а 4 декабря отправился при товарахъ въ Кяхту и вернулся въ Иркутскъ въ январѣ слѣдующаго года.

Въ 1842 году братъ мой Петръ Егоровичъ оставилъ занятія въ думѣ и выѣхалъ изъ Иркутска, по приглашенію, на Бирюсинскіе золотые промысла. Такимъ образомъ, оба мы, никуда не отлучавшіеся изъ дома, въ одинъ годъ отправились въ разныя стороны.

На 1843 годъ возобновленъ мой контрактъ на обязанность главнаго транспортнаго приказчика, съ жалованіемъ 1200 руб.

ассиг. въ годъ; по этой должности я долженъ былъ принимать и подъ своимъ присмотромъ закупоривать, потомъ сдавать въ Охотскѣ всѣ слѣдующіе изъ Иркутска въ Америку товары, а въ Охотскѣ принимать и закупоривать всѣ слѣдующіе изъ Америки пушные товары, въ которыхъ было множество подраздѣленій и сортовъ, и спутывать эту сортировку отнюдь не дозволялось.

Въ исполненіи этихъ требованій я не встрѣтилъ затрудненій, такъ такъ оказался для такого дѣла достаточно грамотнымъ, а по Иркутской службѣ 1841 и 42 годовъ опытнымъ въ укупоркѣ товаровъ и составленіи фактуръ. Мнѣ давалась въ Охотскѣ небольшая команда для укупорки и дѣло у меня пошло бойко, толково; я подавалъ въ контору каждый день обстоятельныя свѣдѣнія объ успѣхѣ укупорки, при чемъ у меня оставалось не мало свободнаго времени, пока не приготовятся вьючныя лошади, а между тѣмъ начальникъ Охотской факторіи Василій Степановичъ Завойко пригласилъ меня въ свободное отъ укупорочныхъ работъ время заниматься письменными дѣлами въ тамошней конторѣ.—Въ такомъ положеніи я пробылъ въ Охотскѣ болѣе мѣсяца, и передъ отправкой моей въ Иркутскъ Василій Степановичъ предложилъ, не пожелаю ли я поступить на службу въ Охотскую контору сначала помощникомъ бухгалтера, а потомъ принять обязанность и бухгалтера, срокомъ на пять лѣтъ, съ жалованіемъ по первой должности 3100 рублей, а по второй 4500 рублей ассигнаціями въ годъ; рѣшить сразу такой важный для меня вопросъ безъ совѣщанія съ батюшкой я не могъ, а Василій Степановичъ написалъ ему объ этомъ теплое письмо, выдалъ мнѣ за занятіе въ конторѣ 200 рублей и въ награду за успѣшную укупорку товаровъ въ Охотскѣ 100 рубл.,—все ассигнаціями; такихъ событій, чтобы Иркутскіе приказчики получали награды въ Охотскѣ, никогда не бывало: на нихъ смотрѣли тамъ неуважительно.

На этотъ разъ я ѣхалъ отъ Якутска въ Иркутскъ на почтовыхъ лошадяхъ, днемъ верхами, а ночью въ лодкахъ до Жигаловой; и, признаюсь, скорая верховая ѣзда была для меня тяжелой, такъ что, помѣщаясь въ лодку, я тотчасъ засыпалъ крѣпчайшимъ сномъ и ничего не слыхалъ.

Въ Иркутскъ пріѣхалъ 21 сентября 1843 г. благополучно; какъ здоровьемъ своимъ, такъ добрымъ отзывомъ г. Завойко и полученной денежной наградой, я доставилъ утѣшеніе батюшкѣ.—Затѣмъ начались совѣщанія объ Охотской пятилѣтней службѣ моей, въ которыхъ принималъ участіе дядя

мой Иванъ Андреевичъ Одуевскій, человѣкъ большой опытности, обстоятельный и относившійся къ намъ съ особеннымъ родственнымъ расположеніемъ (домъ его былъ на углу Мыльниковской и Чудотворской улицъ); совѣщанія пришли къ такому заключенію, чтобы предложеніе г. Завойко принять и мнѣ отправиться на житье въ Охотскъ.—Мнѣ тогда исполнился 21 годъ.

Вслѣдствіе такого рѣшенія, съ благословеніемъ Божьимъ, я отправился въ Охотскъ 15 февраля 1844 года, во вторникъ второй недѣли великаго поста, а въ Охотскъ пріѣхалъ въ среду на страстной недѣлѣ, 22 марта. Зимній путь отъ Якутска на 630 верстъ былъ экипажный, на лошадяхъ, до станціи Юдомской; затѣмъ, болѣе 300 верстъ на оленяхъ въ партахъ. и наконецъ, послѣднюю станцію къ Охотску—на собакахъ; насколько оленья ѣзда была благопріятной по своей быстротѣ, настолько собачья непріятна, потому что собаченки мелкой породы и , какъ видно, употреблялись на ѣзду нечасто; сначала я долго смѣялся надъ гортанными разнообразными звуками ямщика, понуждавшаго собакъ, но послѣ это мнѣ надоѣло.

Не собственно въ Охотскѣ, въ самомъ городѣ, предстояло жить. а въ компанейской факторіи, отстоящей отъ города на цѣлую версту, къ устьямъ рѣкъ Охоты и Кухтуя, впадающихъ вмѣстѣ въ Охотское море; здѣсь давно были устроены всѣ хозяйственныя помѣщенія для дѣлъ компаніи.

Мнѣ было отведено помѣщеніе въ одной особой комнатѣ дома начальника факторіи В. С. Завойко, въ которой помѣщался бухгалтеръ Дружининъ Николай Николаевичъ, Вологодскій уроженецъ, проживній на службѣ компаніи въ Охотскѣ 25 лѣтъ. человѣкъ добрѣйшій, честный, благонравный, начитанный и любившій разсказывать виданное и читанное; вотъ съ нимъ то и довелось прожить тутъ годъ и четыре мѣсяца, а далѣе предстоялъ переходъ въ новый компанейскій портъ Аянъ.

Полное продовольствіе и чаеваніе я имѣлъ за общимъ столомъ г. Завойко вмѣстѣ съ дѣтьми его, съ гостями, какіе случались, и во главѣ всѣхъ съ хозяйкой дома Юліей Егоровной (урожденная баронесса Врангель); это—личность высоко образованная и христіанка въ полномъ смыслѣ слова; тутъ я насмотрѣлся на добрыя отношенія супруговъ между собой, на отношенія къ дѣтямъ и, наконецъ, на правильность хозяйства. да вмѣстѣ съ тѣмъ вскорѣ понялъ и недостаточность своего воспитанія, въ особенности при обществѣ моряковъ; этотъ недостатокъ видѣлъ и почтенный начальникъ мой и рекомендовалъ мнѣ упражняться въ чтеніи библіотечныхъ книгъ, дабы

сколько нибудь развиться; разумѣется, я это принялъ; а въ выборѣ книгъ меня руководилъ ближайшій наставникъ И. Н. Дружининъ.—Такимъ образомъ, служба моя въ далекомъ краѣ началась и продолжалась подъ руководствомъ двухъ наставниковъ. Спасибо и спасибо имъ! Рѣдко кому выпадаетъ такой счастливый случай!

Въ то время было уже рѣшено перенести Охотскую факторію въ пустынный Аянскій заливъ; въ виду этого тамъ производилась постройка необходимыхъ зданій, а самое переселеніе фокторіи предназначено окончить въ лѣтѣ 1845 года. Такъ и исполнено, сразу по приходѣ изъ Америки въ Охотскъ компанейскихъ судовъ съ пушными товарами (суда всѣ были парусныя). Администрація факторіи отправилась на бригѣ „Константинъ“, который вышелъ изъ Охотска 22 іюня, а на третій день былъ уже въ Аянѣ.

Признаю не лишнимъ сравнить обѣ мѣстности.

Всѣ рѣки и второстепенныя рѣчки, при впаденіи въ море, встрѣчаютъ сопротивленіе отъ морскихъ буруновъ, сопровождающихся мелкимъ камешникомъ, выкидываніемъ котораго заметываются самыя устья рѣкъ и рѣчекъ, такъ что они не могутъ впадать прямо въ море, а идутъ возлѣ морского берега, образуя тѣмъ низменную гряду изъ камешника; вотъ на такой—то грядѣ и была устроена компанейская факторія въ Охотскѣ, лишенная всякой растительности не только древесной, но даже и травы; разъ осенью, при сильной бурѣ, въ продолженіи одной ночи отмыло отъ этой мѣстности со стороны моря около тридцати саженей, такъ что отъ заборовъ факторіи до морского обрыва въ нѣкоторыхъ пунктахъ осталось берега на одну сажень. Это главнымъ образомъ и побудило перенести факторію на другое мѣсто.

Аянская мѣстность составляетъ совершенную противоположность Охотской. Она очень гористая и покрыта строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, а также травой и частью цвѣтами, и все это представляло пріятность для прогулки, которая для меня послѣ конторскихъ занятій была очень полезна; и самъ я былъ охотникъ путешествовать по лѣсамъ, хотя для этого у меня не было товарищей.

Ко времени перехода факторіи въ Аянѣ были построены: магазинъ для товаровъ и припасовъ (на берегу залива), казарма и четыре флигеля—въ отдаленіи отъ берега саженей на 150—200, а домъ для начальника и церковь были заложены только по осени 1845 года, самая постройка ихъ производились въ слѣдующую зиму. Наконецъ, къ общей радости всего населенія, церковь во имя Божіей Матери Казан-

скія иконы была освящена преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ архіепископомъ Камчатскимъ 24 іюня 1846 года; я же началъ относить въ ней обязанность церковнаго старосты.

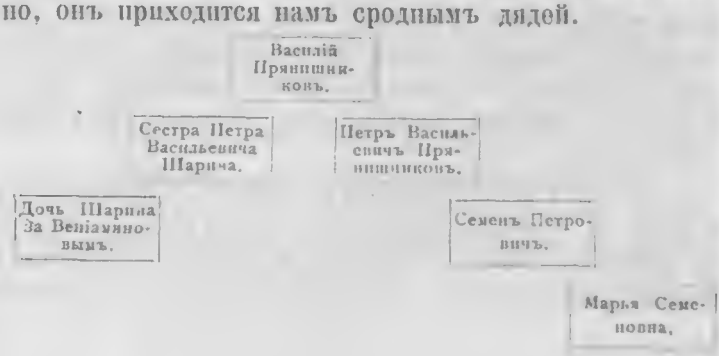
Незадолго передъ этимъ, наставникъ мой Н. Н. Дружининъ, много лѣтъ намѣревавшійся возвратиться на свою родину въ Вологду, выѣхалъ изъ Аяна, а исполненіе обязанности бухгалтера предоставлено мнѣ.—Правду сказать, обязанность очень не многосложная, и если бывало дѣла побольше, такъ въ три мѣсяца лѣтнихъ, когда приходятъ суда и отправляются въ Америку товары, а въ прочее время года дѣла въ конторѣ бываетъ такъ мало, что его можно исполнить, не употребляя свѣчного освѣщенія.—При такомъ положеніи дѣла, я скоро могъ усвоить его себѣ вполнѣ: сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ устарѣвшихъ порядкахъ счетоводства и принялъ на себя составленіе всѣхъ бумагъ, относящихся до конторы, такъ что начальнику порта оставались одни личныя распоряженія по конторѣ, дальнѣйшая постройка зданій и, вообще, хозяйственная часть.—Распредѣливъ такимъ образомъ производство дѣлъ, мы жили въ полнѣйшемъ согласіи съ Васильемъ Степановичемъ до самого моего выѣзда изъ Аяна. Мнѣ, какъ старшему по службѣ лицу, была отведена квартира, въ которой я и проживалъ одинъ; зимнія вечера для меня были тяжелѣе лѣтнихъ, по неимѣнію служебныхъ занятій; тутъ я проводилъ время въ чтеніи книгъ и въ рукодѣліяхъ, какія зналъ; не могу сказать, чтобы жилось весело, особенно при воспоминаніи о домашней Иркутской жизни... Судить ли Богъ увидѣться съ батюшкой, братомъ и сестрами? Успокоивалъ себя размышленіемъ о томъ, что отдаленную службу я принялъ добровольно, такъ и долженъ окончить свой срокъ, а свиданіе съ батюшкой зависитъ отъ воли Божіей; угодно будетъ Ему сохранить старческую жизнь до моего возвращенія, такъ увижусь; а иначе—покоряюсь Его святой волѣ.—Но, вообще, могу сказать что Аянская жизнь сохраняетъ у меня самыя лучшія воспоминанія: то была жизнь безмятежная, удаленная отъ всякихъ соблазновъ, подобная какому нибудь скиту; противъ моей квартиры была контора, а съ другой стороны черезъ домъ—церковь; такая обстановка способствовала установленію моего характера.—Всѣмъ этимъ я обязанъ Василью Степановичу, котораго могу назвать своимъ другомъ.

Но какъ ни пріятно было, вообще, проживаніе въ Аянѣ и какъ ни лестнымъ представлялось служебное положеніе мое въ молодыхъ лѣтахъ, а родина и долгая разлука съ родными тянули домой, и я въ половинѣ іюня 1849 года выѣхалъ изъ

Аяна, а 21 сентября пріѣхалъ домой, неожиданно. такъ какъ письма мои о времени выѣзда изъ Аяна, по тогдашнему ходу почтъ, не могли получиться ранѣе моего пріѣзда. Съ какой радостью встрѣтился съ батюшкой—этого выразить невозможно; онъ оторопѣлъ и не могъ скоро застегнуть своихъ пуговицъ, вставая съ кровати послѣ обѣденнаго отдыха.

По общему совѣту и рекомендаціи всего семейства, я избралъ себѣ спутницей жизни дочь умершаго почетнаго гражданина Семена Петровича Прянишникова, Марью Семеновну, проживавшую при матери своей Натальѣ Яковлевнѣ. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ, а бракосочетаніе отложено до января. Между тѣмъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ я съѣздилъ въ Енисейскъ на свиданіе къ брату своему Петру Егоровичу; впервые увидѣлъ тогда супругу его Татьяну Артемьевну и годового первенца ихъ Машу (впослѣдствіи выданную въ замужество за И. И. Баронова).

Наступилъ 1850 годъ. Въ январѣ мѣсяцѣ 15 числа совершилось бракосочетаніе мое съ Марьей Семеновной; она, какъ показала послѣдующая жизнь наша, имѣла, можно сказать, ангельскую душу, и слѣдовательно, жизнь у насъ катилась, какъ по маслу.—По этому браку я вступилъ въ родство съ Иваномъ Вас. Мамонтовымъ, за которымъ была въ замужествѣ сестра моей маменьки, Августа Семеновна, да съ фамиліей Донскихъ, трехъ братьевъ: Василія, Александра и Михаила Яковлевичей, которымъ была родной сестрой тещи моя Наталья Яковлевна, а черезъ нѣсколько лѣтъ присоединился къ нашему родству Александръ Ив. Молодыхъ, женившись на сестрѣ моей жены Александрѣ Семеновнѣ. Упоминалось еще о сродствѣ преосвященнаго Иннокентія Камчатскаго, впослѣдствіи митрополита Московскаго, но въ какой степени—объяснено не было; недавно довелось разобрать эту родословную, и здѣсь помѣщаю объ ней табличку, изъ которой видно что Марья Семеновна была внучкою Петра Васильевича Прянишникова, а дочь родной сестры его Шариной была въ замужествѣ за Вениаминовымъ, впослѣдствіи митрополитомъ; слѣдовательно, онъ приходится намъ сроднымъ дядей.



Съ весны 1850 г. началась у насъ постройка деревяннаго дома, на каменномъ фундаментѣ, и продолжалась до ноября.—Между тѣмъ, съ половины іюля я, по приглашенію головы Василья Николаевича Баснина, какъ человѣкъ свободный, принялъ обязанность столоначальника прежней думы за скромное вознагражденіе 420 р. въ годъ, къ которому онъ прибавлялъ отъ себя еще 80 рублей.

Въ 1851 году въ жизни моей послѣдовали измѣненія: а) на этотъ годъ я избранъ купеческимъ старостой съ обязанностью члена сиротскаго суда; послѣдняя должность, по состоянію дѣлъ суда, весьма серьезная; б) 28 мая, въ духовъ день, батюшка нашъ Егоръ Герасимовичъ послѣ продолжительной болѣзни (водянка) померъ, и нотаріальная обязанность его поручена думой мнѣ, какъ городовому старостѣ, а послѣ въ первомъ собраніи общества я утвержденъ въ ней, и относилъ ее до 1857 года, когда отказался по недостаточности доходовъ; в) октября 10 числа родился у насъ первенецъ—дочь Юлія (впослѣдствіи вступившая въ бракъ съ Федоромъ Ивановичемъ Кроновичемъ).

Далѣе, съ 1851 года жизнь наша съ Марьей Семеновной шесть лѣтъ катилась самымъ мирнымъ путемъ; я продолжалъ занятія въ думѣ и имѣлъ другія частныя комиссіи; у насъ родились дѣти: Николай 24 ноября 1852 года, Марія 30 декабря 1853 года, которая померла 5 августа 1879 года.—Были еще рожденія дѣтей Василія, Александры, Георгія,—всѣ они померли въ младенчествѣ.

Въ продолженіи этихъ годовъ въ нашемъ домѣ останавливались и квартировали проѣздомъ знакомые по Аянской жизни: преосвященный Иннокентій Камчатскій; въ первый разъ пріѣхалъ 17 марта 1854 года, потомъ въ 1856 году и еще въ 1857 году, а въ 1856 году, подъ осень, пріѣзжалъ Василій Степановичъ Завойко съ супругой Юліей Егоровной и со всѣми дѣтьми ихъ. По случаю пребыванія у меня такихъ лицъ довелось познакомиться съ ген.-губернаторомъ Н. Н. Муравьевымъ, чиновниками его свиты (нѣкоторыми) и съ Иркутскими преосвященными, какіе тогда были; и такимъ образомъ, я получилъ нѣкоторую извѣстность.—Какъ съ преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ, такъ и съ В. С. Завойко у меня была постоянная переписка домашними письмами.

Нерѣдко можно видѣть, что жизнь человѣческая не обходится безъ потрясеній болѣе или менѣе тяжелыхъ; это довелось испытать и мнѣ, начиная съ потери достопомятнаго друга моего Маріи Семеновны: при послѣднихъ родахъ малютки

Георгія. 4 ноября 1856 года, она остыла; а отъ этого сдѣлалась родильная горячка, затѣмъ болѣзнь осложнилась внутреннимъ нарывомъ, который дошелъ до легкихъ, образовалась скоротечная чахотка; перенесть всѣ эти болѣзни у нея не достало силъ,—и она скончалась 15 февраля 1857 года съ полнѣйшимъ христіанскимъ напутствіемъ, въ полномъ разумѣ до послѣдней минуты, и простилась со всѣми... О, какъ это было тяжко мнѣ!! Она оставила дѣтей: Юленьку на 6 году, Коленьку на 5 году и Машу на 4 году.

Для дѣтей въ такомъ возрастѣ нужна была ближайшая руководительница, замѣняющая родную мать, да и домашняя обстановка требовала распорядительности; по этому я рѣшился возобновить бракъ. Но какъ набрать себѣ новую подругу, соотвѣтствующую моему положенію? Было обращено вниманіе на дома многосемейныя, въ тѣхъ видахъ, что старшія дочери, обращаясь съ младшими, насколько нибудь знакомы съ попеченіемъ объ нихъ, и слѣдовательно, будуть болѣе подходящими къ воспитанію осиротѣлыхъ дѣтей.*)

Н. Е. Чертыхъ.

Домъ, въ которомъ провелъ дѣтство митр. Иннокентій Веніаминовъ.

*] На этомъ рукопись кончается.

Редакція.

ЗАМѢТКИ.

Къ вопросу о подлинной рукописи поэмы Лермонтова „Демонъ". Въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія по рукамъ казачьихъ офицеровъ въ г. Усть-каменогорскѣ ходила рукопись поэмы Лермонтова „Демонъ". Поэма была написана тетрадью въ полулистъ на толстой синей бумагѣ, какая употреблялась въ 30-хъ годахъ. На поляхъ рукописи тѣмъ-же почеркомъ, какимъ была написана поэма, были сдѣланы выноски—варіанты нѣкоторыхъ мѣстъ „Демона". Рукопись обошла живущую въ городѣ интеллигенцію. Одинъ изъ представителей ея—В. В. Гиптовтъ, по сличеніи рукописи съ Ефремовскимъ изданіемъ сочиненій Лермонтова, найдя варіанты на поляхъ и въ текстѣ ея совершенно новыми, не появлявшимися въ печати, опубликовалъ ихъ въ московской газетѣ, кажется, „Русскомъ Курьерѣ". Рукопись видѣлъ и извѣстный алтайскій пчеловодъ Александръ Николаевичъ Федоровъ, который живетъ въ Усть-каменогорскѣ уже болѣе 30 лѣтъ. Тетрадь эта потомъ куда-то исчезла. Послѣдніе слѣды ея, какъ пришлось установить, затерялись въ Омскѣ у войскового старшины С. В. Бурова. Гдѣ теперь Буровъ, считавшійся владѣльцемъ рукописи, не знаемъ. Спустя года два послѣ исчезновенія рукописи, въ Усть-каменогорскѣ получилось полное собраніе сочиненій Лермонтова съ автографомъ его. Взглянувъ на автографъ, А. Н. Федоровъ увидѣлъ въ немъ громадное сходство съ почеркомъ помянутой рукописи.

Подозрѣвая истину, Федоровъ бросился по городу отыскивать таинственную тетрадь, но найти ее не удалось. А. Н. Федоровъ глубоко убѣжденъ, что эта рукопись поэмы „Демонъ" написана собственноручно Лермонтовымъ. Итакъ, слѣдовательно, въ Усть-каменогорскѣ былъ подлинникъ „Демона" написаннаго рукою Лермонтова? Но что же тутъ невѣроятнаго? Офицеры Кавказа постоянно наѣзжали въ Туркестанъ а туркестанскіе—въ Степной край, въ частности въ Семипалатинскую область. Между офицерствомъ Кавказа и нашего края было постоянное общеніе. Возможно, что подлин-

ная рукопись „Демона“ могла какимъ—нибудь образомъ попасть къ кому—либо изъ офицеровъ Кавказа и послѣ этого пошла гулять по разнымъ мѣстамъ среднеазіатской окраины, дойдя до Устькаменогорска. Извѣстно, что подлинникъ поэмы „Демонъ“ совершенно не дошелъ до издателей сочиненій Лермонтова. Въ полномъ, напримѣръ, собраніи сочиненій Лермонтова, подъ редакціей Арсенія Введенскаго, изданія Маркса 1891 г., на страницѣ 363 читаемъ: „какъ извѣстно, до насъ не дошло рукописи „Демона“, написаннаго рукою Лермонтова“. Но вѣдь долженъ—же былъ гдѣ-нибудь храниться подлинникъ? Почему не согласиться съ предположеніемъ, что оригиналъ „Демона“, послѣ цѣлаго ряда мытарствъ, могъ попасть въ Устькаменогорскъ? Имѣя въ виду такой безукоризненный источникъ, какъ отзывъ А. Н. Федорова, слѣдуетъ придти къ заключенію, что въ Устькаменогорскѣ была подлинная рукопись поэмы „Демонъ“, былъ автографъ Лермонтова. Приходится только глубоко сожалѣть, что Устькаменогорская интеллигенція не приняла своевременно мѣръ къ сохраненію таинственной рукописи и послѣдняя, возможно, погибла безвозвратно. Сколько у насъ гибнетъ всякихъ сокровищъ!

Священ. Вор. Герасимовъ.

Изъ расходной книги г. Томска 1630-1631 г.г. Пашеннымъ крестьянамъ на подмогу и на всякіе на пашенные на мелкіе заводы.

Ноября въ 1 день пашенному крестьянину Тимошкѣ Омельянову государева жалованья на подмогу два рубля дано. Апрѣля въ 22 день служилымъ и жилецкимъ людямъ за лошади, которыя куплены государевымъ пашеннымъ крестьянамъ, для пахоты государевы десятинныя пашни, Семенкѣ Мезенѣ старому за лошадь три рубля, Ондрюшкѣ Киборту за лошадь четыре рубля, Ивашку Патрушеву за лошадь три рубля 30 алтынъ, Басалайку Кутину за лошадь 2 рубля 25 алтынъ дано. Жилецкимъ людямъ—Максимку Чернову за двѣ лошади семь рублей, Ивашку Старцеву за лошадь три рубля съ полтиною.

И всего служилымъ и жилецкимъ людямъ за лошади 24 рубля 5 алтынъ дано. А какова у кого лошадь въ шерсть и въ лѣта на примѣты куплена, и то писано въ хлѣбномъ столѣ.

Апрѣля въ 25 день за лошади, которыя куплены пашеннымъ крестьянамъ для государевы пашни: Якову Тухочев-

скому за лошадь 3 рубля, служилому человѣку Ивашку Чечуеву за лошадь 4 рубля, Молчанову человѣку Хаврова за лошадь 2 рубля съ полтиною. И всего за 3 лошади—9 рублей съ полтиною дано. А какова которая лошадь въ лѣта и въ шерсть на примѣты, и то подлинно писано въ хлѣбномъ столѣ.

Того-жъ дня служилымъ людямъ за лошади, которыя куплены пашеннымъ крестьянамъ для государевы пашни: Андрюшкѣ Черепану за лошадь 3 рубля, Шумилку Ермолину за лошадь 3 рубля 25 алтынъ, Никиткѣ Кинозеру за 2 лошади 7 рублей 26 алтынъ, Ивашку Игольничникову за лошадь 3 рубля 25 алтынъ, Якушку Першину за лошадь 3 рубля 25 алтынъ, Фиршку Оедорову за лошадь 3 рубля съ полтиною. И всего за лошади 25 рублей 18 алтынъ 2 деньги дано. А у кого именемъ и какова лошадь куплена въ лѣта и въ шерсть и въ примѣты, и то подлинно писано въ хлѣбномъ столѣ.

Мая въ 1 день сыну боярскому Матвѣю Хаильскму за двои оральники рубль, пашенному крестьянину Мосейку Омельянову за соху съ сошники 28 алтынъ 2 деньги, пашенному-жъ крестьянину Ивашкѣ Ильину за сошники полтина. И всего за сошники и за соху 2 рубля 11 алтынъ 4 деньги дано. А тѣ сошники даны пашеннымъ крестьянамъ для государевы пашни.

Мая въ 3 день служилымъ людямъ за лошади, которыя куплены пашеннымъ крестьянамъ для государевы пашни: Оедькѣ Максимову за лошадь 3 рубля, Осипку Андрееву за лошадь 3 рубля 10 алтынъ. Обоево—Оедькѣ и Осипку за лошади 6 рублей 10 алтынъ дано. А каковы тѣ лошади въ лѣта и въ шерсть и въ примѣты, и то подлинно писано въ хлѣбномъ столѣ. И Оедькѣ лошадь отдана назадъ, и деньги взяты для того, что въ сохѣ не пошла.

Мая въ 5 день служилымъ крестьянамъ для государевы пашни: Андрюшкѣ Губѣ за лошадь 3 рубля съ полтиною, Степанку Семенову за лошадь 3 рубля съ четью, Якушку Андрееву за лошадь 4 рубля, жилецкому человѣку Ивашку Панфилову за лошадь 3 рубля съ полтиною, служилому человѣку Ивашку Михайлову за лошадь 3 рубля 25 алтынъ. И всего за лошади 18 рублей дано. А какова котора лошадь въ шерсть и въ лѣта и въ примѣты, и то писано подлинно въ хлѣбномъ столѣ.

Мая въ 6 день служилому человѣку Ивашку Путимцу за оралники 20 алтынъ дано. Взяты оральники для государевы пашни пашеннымъ крестьянамъ.

Мая въ 8 день новоприсыльнымъ пашеннымъ крестьянамъ: Гришкѣ Тимофееву, Олешкѣ Сергѣеву, Нехорошку Васильеву. Ивашку Васильеву, Овдокиму Семенову, Оедькѣ Остафьеву, Матюшкѣ Андрееву, Терешкѣ Кузмину, Степанку Юрашу—всего девяти человѣкамъ-государева жалованья на подмогу по 4 рубля человѣку,—итого 36 рублей дано.

Мая въ 15 день новоприсыльнымъ—же пашеннымъ крестьянамъ—Гришкѣ Тимофееву Устюжанину да Ивашку Костромитину государева жалованья и подмоги по 4 рубля человѣку—и того 8 рублей дано.

Того—жъ дни пѣшему казаку Васькѣ Поломошному за лошадь 3 рубля 25 алтынъ дано. А какова въ лѣта и въ шерсть, и въ примѣты, и то писано въ хлѣбномъ столѣ.

Мая въ 16 день новоприсыльному пашенному крестьянину Тимошкѣ Омельянову государева жалованья на подмогу къ прежней дачѣ, къ 2 рублямъ, 2 рубля дано.

Мая въ 30 день новоприсыльному пашенному крестьянину Ивашку Леонтьеву (прозвище Ремязу) государева жалованья на подмогу 4 рубля дано.

Мая въ 31 день конному казаку Ивашку Путимцу за 2 лошади 7 рублей дано. Взяты лошади пашеннымъ крестьянамъ для государевы пашни, а сколькихъ лѣтъ, и какова которая лошадь шерстью и въ примѣты, и то писано въ хлѣбномъ столѣ.

Іюня въ 24 день сыну боярскому Бажену Карташеву за лошадь 3 рубля 25 алтынъ; служилому человѣку Тихонку Сгибневу за лошадь 3 рубля съ полтиною. Обоего—Бажену и Тихонку за лошади 7 рублей 8 алтынъ 2 деньги дано. Взяты лошади пашеннымъ крестьянамъ для государевы пашни, а въ шерсть, и лѣта и въ примѣты тѣ лошади писаны въ хлѣбномъ столѣ.

Іюня въ 15 день служилому человѣку Якушку Маихову за оральники 20 алтынъ дано. Куплены оральники государевымъ пашеннымъ крестьянамъ.

Іюня въ 22 день новоприсыльнымъ пашеннымъ крестьянамъ Терешкѣ Кузмину, Нехорошку Васильеву, Евдокиму Семенову на пашенные на всякіе на мелкіе заводы по рублю человѣку,—итого три рубля дано.

Іюня въ 24 день присыльнымъ пашеннымъ крестьянамъ Гришкѣ Плошонку; Охешкѣ Плошонку, Оедькѣ Сухорукову, Ивашку Подвинникову, Ивашку Ремязу, Степанку Алексѣеву—Юрашу,—всего шти*) человѣкамъ на всякіе на мелкіе на пашенные заводы по рублю человѣку. Итого 6 рублей дано.

*) Т.-е. шести.

Того-жъ дни пашенному жъ крестьянину Матюшкѣ Андрееву на пашенные на всякіе на мелкіе заводы рубль дано.

Іюня въ 25 день пашеннымъ крестьянамъ Гришкѣ Тимоееву да Ивашку Костромитину на всякіе на пашенные на мелкіе заводы по рублю. Итого два рубля дано.

Сообщилъ Кузнецовъ-Красноярскій.

Въ старину гуляли дѣды. Въ деревнѣ Бѣллыкѣ, Минусинскаго округа, Абаканской волости, въ 1837 году Прокопьевъ день (8 іюля) праздновался на славу. «Питейное дѣло» въ Сибири всегда было на высотѣ и ничѣмъ не уступало своей метрополіи.

Начальный Герасимъ Худековъ особенно увлекся празднествомъ. „Два дня онъ пьянствовалъ въ питейномъ дому“: пропилъ 25 рублей, полученныхъ имъ отъ бабушки Аксиньи Терскихъ, и всю свою одежду, до послѣдней, какъ говорится, нитки. Остался въ чемъ мать родила...

Загулявшаго Г. Худекова спохватилась сватья Аграфена Еремѣева, которая на другой день праздника бросилась на розыски его по своей деревнѣ.

Вдругъ она увидѣла, что ея свата, совершенно нагого, спотыкающаго, ведетъ по улицѣ подъ руки поселенецъ Иванъ Ефимовъ...

Въ октябрѣ 1837 года по этому дѣлу производилось дознаніе, которое кончилось, очевидно, ничѣмъ.

(Изъ архива Усть-Абаканскаго волостного правленія).

Бурятская легенда о лебедѣ. Много лѣтъ тому назадъ въ лѣсу, на опушкѣ степи, жилъ бурятъ Хамначитъ, въ своей юртѣ, съ дочерью и маленькимъ сыномъ. Жилъ очень бѣдно. У него ничего не было, кромѣ лука и колчана со стрѣлами. Колчанъ старый, въ дырахъ, безъ всякихъ украшеній; не лучше колчана была верхняя одежда и унты. Зимой, въ морозы, Хамначитъ дрожжалъ отъ холода, какъ осиновый листъ. Охота зимой была плохая, нерѣдко приходилось голодать.

Хомначитъ бывалъ очень радъ, когда ему случалось убивать какую либо птицу или звѣрька. Тогда онъ важно разводилъ огонь посреди юрты, жарилъ добычу и ѣлъ съ семьей. Сытый—былъ очень доволенъ своей жизнью. Въ это время, если случайно пролетали птицы, или пробѣгали звѣ-

ри мимо юрты. Хамначитъ ихъ не трогалъ, а лѣтомъ, когда голодный охотился въ лѣсу, онъ проявлялъ трогательную заботливость къ птенчикамъ, выпадавшимъ изъ гнѣзда. Ихъ онъ бережно водворялъ въ родительскій кровъ къ братьямъ и сестрамъ.

— Мнѣ жалко своихъ ребятенокъ, если съ ними случается несчастье; надо пожалѣть и чужихъ.

Разъ весной Хамначитъ отправился на охоту. Повѣсилъ на спину колчанъ со стрѣлами, взялъ въ руки лукъ и пошелъ по чистому мѣсту, по степи. Вдругъ видитъ бѣлую птицу на землѣ. Птица машетъ крыльями, но летѣть не можитъ и жалобно—жалобно плачетъ, такъ слезы изъ глазъ и льются. А въ небѣ въ это время такая же птица еще жалобнѣе плачетъ, кружится—кружится и зоветъ къ себѣ своего товарища. Хамначитъ подходитъ къ птицѣ и видитъ, что это плачетъ лебедь, у котораго сломано крыло.

— Дай,—думаетъ онъ,—поймаю лебедя, иначе его съѣстъ лисица, или степной волкъ.

Долго Хамначитъ ловилъ лебедя; наконецъ, поймалъ, принесъ въ юрту, сдѣлалъ ему загородку, а своихъ ребятъ приспособилъ ухаживать за больнымъ. Долго—долго, все лѣто и зиму, прожилъ лебедь, поправился, такъ что могъ широко взмахивать крыльями, какъ здоровый. Изъ юрты онъ часто выходилъ въ степь.

Поглядитъ здѣсь на сѣдыя, величавыя горы, виднѣвшіяся вдали, на высокіе, стройные серебристые тополи, красивые кедры и лиственницы и жалобно—жалобно запоетъ,—такъ, какъ умѣютъ только лебеди пѣть. Въ этомъ пѣніи глубоко чувствовалась тоска по волѣ, тоска по большомъ рѣкамъ и морямъ, гдѣ онъ плавалъ, рѣзвясь съ своими товарищами. Поплачетъ—поплачетъ лебедь, посмотритъ въ безпредѣльное степное море, и безъ зова и принужденія возвращается въ юрту и садится на свое мѣсто... Сидитъ смирно.

Неизвѣстно, долго ли бы такъ жили старикъ, лебедь и ребята, если бы не случилось одно важное обстоятельство.

Въ одинъ день старикъ убилъ зайца и 2 сѣдыхъ большихъ тетеревей; вечеромъ одного сварили въ большомъ кувшинѣ и съѣли, а по утру принялись за жаренаго зайца.

Ребята ѣдятъ и похваливаютъ. Вдругъ слышатъ, какъ лебедь захлопалъ крыльями, началъ издавать какой то непонятный крикъ и стремглавъ побѣжалъ въ степь.... Думали, что лебедя испугала сѣрая змѣя, нечаянно забравша-

ясь въ юрту; осмотрѣли вездѣ: никакой змѣи не оказалось. А лебедь, между тѣмъ, взмахнулъ на свободѣ крыльями, поднялся вверхъ и началъ кружиться въ воздухѣ надъ юртой и пѣть. Долго онъ пѣлъ..... Наконецъ, поднялся высоко—высоко.

Всѣ выбѣжали изъ юрты посмотрѣть, что далѣе будетъ. Вдругъ видятъ, что летитъ стадо лебедей, которые поютъ красиво-красиво и громко, потому что ихъ было много. Лебедь Хамначита еще разъ крикнулъ и полетѣлъ вмѣстѣ со сталомъ. Только и видѣли лебедя! Погоревали-погоревали ребята, но постепенно стали забывать своего красавца-товарища.

Прошло много времени. Ужъ осень наступила. Листья на серебристомъ тополѣ и степная трава пожелтѣли, иголочки съ сосенокъ начали падать, птички летали табунами; появились заморозки, горы-великаны покрывались серебристой пеленой.

Въ одинъ изъ осеннихъ дней старикъ собирался идти на охоту. Вдругъ надъ юртой послышалась знакомая лебединая пѣсня. Отъ радости всѣ выскочили изъ юрты посмотрѣть на лебедя. Видятъ, лебедь на огромной высотѣ дѣлаетъ круги, еле помахивая крыльями, какъ орелъ паритъ, и медленно опускается на землю. Наконецъ, опустился къ ногамъ старика, зашелъ въ юрту и положилъ здѣсь большое-пребольшое золотое яйцо, а затѣмъ, покрякалъ немного, вышелъ изъ юрты и полетѣлъ къ товарищамъ, плававшимъ на озеркѣ; крикнулъ имъ—и вся стая поплыла въ воздушномъ океанѣ.

Послѣ этого старикъ сдѣлался очень богатъ: у него появилось много верблюдовъ, коровъ, овецъ и коней, такъ что онъ счету имъ не зналъ, а унты носилъ двойные, изъ соболей, шапку—съ самоцвѣтными камнями. Отъ дѣтей его произошло многочисленное потомство, проживающее до сего дня въ Хамначитскомъ улусѣ за Байкаломъ.

Хамначитяне и теперь охотятся на звѣрей и птицъ, но лебедя никто ни когда не убивалъ, потому что онъ приноситъ счастье людямъ.

(Записано со словъ П. П. Никижинова, бывшаго учителя).

М. Овчинниковъ.

Дѣло объ отнушеніи носа крестьяниномъ Богомоловымъ у матери своей. *) 1824 года, маія 24 дня. Тулуновской волости, Станочнаго участка, старшина Черныхъ рапортомъ, отъ 21 се-

*) Архивъ Нижнеудинскаго земскаго суда, по описи № 256-76.

го теченія, № 64, доносилъ волостному головѣ, что 19 числа Хингуйскаго селенія крестьянинъ Иванъ Богомоловъ объявилъ старшинѣ: „братъ его родной, Кинтиліанъ, *) будучи нѣсколько пьянъ, лежалъ во дворѣ, но онъ, Иванъ, взявъ того брата своего Кинтиліана, повелъ въ домъ свой, но тотъ Кинтиліанъ произносилъ ему ругательства, кидался бить, схватя за волосы, чего видя, мать ихъ Дарья начала отводить отъ драки того Кинтиліана, который, оставя брата Ивана, схватя мать свою Дарью, **откусилъ у ней зубами хрящъ носу до самой кости напрочь**, что и по свидѣтельству волостнымъ головой Лыткинымъ дѣйствительно найдено, и откушенная часть носа хранится у крестьянина того жъ селенія Василія Бурмакина".

1824 года, мая 29 дня въ журналѣ земскаго суда записано: „Рапортъ Тулуновскаго волостного правленія отъ 24 маія, № 648. Приказали о семъ происшествіи донести рапортами Иркутскому губернскому правленію и г. гражданскому губернатору и кавалеру съ тѣмъ, что о семъ происшествіи производится слѣдствіе при земскомъ судѣ: нужныхъ по сему дѣлу людей вытребовать приказомъ отъ Хингуйскаго старшины: Богомоловыхъ съ матерью и прочихъ прикосновенныхъ. Женку Дарью, по представленіи отъ старшины, отослать для излѣченія и вспомоществованія къ г. штабъ-лѣкарю Солухину при сообщеніи.

Отъ 30 мая читаемъ въ журналѣ:

„Сего числа въ присутствіи Нижнеудинскаго земскаго суда представленная женка Хингуйскаго селенія Дарья Богомолова свидѣтельствована, по которому оказалось, что дѣйствительно у нея скушена верхушка носа до кости напрочь, а по сему приказали: о семъ записать въ журналъ для свѣдѣнія".

Въ тотъ же день „въ присутствіи Нижнеудинскаго земскаго суда, вслѣдствіе рапорта Тулуновскаго волостного правленія, отъ 24 маія, № 648, въ нижеписанныхъ обстоятельствахъ заключающіеся по оному дѣлу люди на законномъ основаніи спрашиваны".

Первымъ былъ допрошенъ обвиняемый Квинтилліанъ Богомоловъ. Ему 33 года, неграмотный, женатъ, имѣетъ дѣтей: занимается скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ; «подати и повинности оплачиваетъ бездоимочно». Въ прошломъ году былъ «за пьянство въ ночное время подъ судомъ и по рѣшенію наказанъ лозами»; болѣе-жъ подъ судомъ и наказаніяхъ не бывалъ. **)

---

*) Т. е. Квинтилліанъ.

**) Въ дѣлахъ имѣется слѣдующая справка:

«По рѣшительному Иркутскаго губернскаго суда опредѣленію, постановленному въ 22 день іюня 1825 года, о бѣглыхъ семьянихъ Иванѣ Во-

«Сего мѣсяца 19 числа, будучи «нѣсколько въ подгулкѣ», по случившемуся надъ нимъ какому-то припадку, а по просту родимцу, полагаетъ: какимъ образомъ кусалъ матери своей ноги и откусилъ носъ—не помнитъ, но умышленно на таковой поступокъ не покушался».

Старшій братъ обвиняемаго Иванъ, 37 лѣтъ, показалъ, что братъ его былъ «нѣсколько въ подгулкѣ» и «какъ будто бы въ сумашествіи», и укусилъ матери „первоначально ногу, а потомъ и откусилъ носъ. Намѣренности на таковой поступокъ брату его покушаться не было причины, потому что жили всегда дружелюбно, а полагаетъ, что отъ припадка, случающагося съ нимъ и называемаго родимцемъ или отъ укусу дикой собаки".

Старуха-мать, восьмидесятилѣтняя, живущая вмѣстѣ съ дѣтьми, показала, что Квинтилліанъ, „будучи нѣсколько въ подгулкѣ и какъ будто въ сумашествіи, уронилъ ее на полъ, и потомъ кусалъ ногу и откусилъ носъ напрочь, отчего она сдѣлалась безъ чувства. Намѣренно-же сынъ ея сего поступка не производилъ, потому что жили дружелюбно, а полагаетъ пришелъ въ сумашествіе и пустился на таковой поступокъ отъ припадка, случающагося съ нимъ и называемаго родимцемъ, или отъ укуса дикой собаки".

Судъ показаніемъ этихъ свидѣтелей не удовлетворился и предписалъ Станочному старшинѣ произвести „повальный обыскъ" и „повальный спросъ" о крестьянинѣ Квинтилліанѣ Богомоловѣ.

На „повальномъ обыскѣ" 9 крестьянъ по крестному цѣлованію, на основаніи Соборнаго Уложенія 10 главы 161 и 173 статей, давали показанія сообща, что Квинтилліанъ Богомоловъ „домъ, скотоводство имѣетъ и хлѣбопашество проходитъ рачительно, подъ судомъ былъ по случаю убитія въ Хингуйскомъ селеніи бѣглыми поселенца Савицкаго и по суду наказанъ лозами: болѣе-жъ подъ судомъ не бывалъ и общество имѣть его въ своемъ сословіи желаетъ".

На „повальномъ спросѣ" 7 крестьянъ сообща показали, что «Квинтиліанъ Богомоловъ назадъ тому 7 лѣтъ имѣетъ болѣзнь, называемую родимецъ, который случается по 1 разу.

сильевѣ съ товарищи, заключающихся въ разныхъ кражахъ, грабежахъ, побѣгахъ и смертоубійствѣ поселенца Михаила Савицкаго, Хингуйскаго селенія крестьянинъ Квинтиліанъ Богомоловъ за нахожденіе въ ночное время въ питейномъ домѣ и вчиненіе ссоръ, отъ чего возродило драку, отъ коей случилось поселенцу Савицкому убивство, наказанъ при мірской сходкѣ лозами съ подтвержденіемъ впредь въ ночное время въ питейной домъ не ходить и отъ пьянства воздержаться.»

Я. Х.

Сверхъ того, назадъ тому третій годъ кусала его бѣшеная собака".

Слѣдствіе окончилось и въ журналѣ земскаго суда, отъ 31 мая 1824 года, находимъ:

„Сего числа разсматривали произведенное въ откупщинѣ крестьяниномъ Богомоловымъ матери своей носа слѣдствіе, которое оказалось производствомъ конченнымъ, а посему приказали: о семъ записать въ журналъ, а оное слѣдствіе для законнаго разсмотрѣнія и рѣшенія представить обще съ откупщеннымъ носомъ и крестьяниномъ Квинтиліаномъ Богомоловымъ въ Нижнеудинскій окружный судъ при рапортѣ".

31 же числа засѣдатель Леонтьевъ препроводилъ слѣдствіе „обще съ откупщеннымъ носомъ и крестьяниномъ" по назначенію.

Въ тотъ же день окружный судъ, „по выслушаніи рапорта, приказалъ: рапортъ пріобщить къ дѣлу, разсмотрѣвъ оное, если окажется во всемъ выполнено, то рекомендовать секретарю сочинить выписку и представить къ слушанію присутствію, а присланнаго крестьянина Богомолова отослать подъ присмотръ городской управы".

Квинтиліанъ Богомоловъ былъ освидѣтельствованъ окружнымъ штабъ-лѣкаремъ Солухинымъ 13 іюня 1824 года. Штабъ-лѣкарь пишетъ; „по свидѣтельству моему оказалось' что онъ дѣйствительно имѣетъ меланхолическій припадокъ; слѣдовательно, немудрено, что онъ въ пьяномъ видѣ могъ сдѣлать такое зло".

13 же іюня отъ матери обвиняемаго была отобрана подписка, что „какъ при слѣдствіи, такъ и при личномъ спросѣ пристрастія, кольми паче пытокъ, чинимо не было".

Отъ другихъ злополучныхъ участниковъ этого процесса подписки такого характера почему то не отбиралось.

Сверхъ обыкновенія, дѣло шло безъ обычнаго волокитства и того же 13 іюня въ запискахъ окружнаго суда значится: „по выслушаніи допроса, приказали: допросъ пріобщить къ дѣлу, а крестьянина Богомолова отослать въ земскій судъ для отсылки въ мѣсто его жительства."

Я. Ходукинъ.

Плачъ рыжаго. Лѣтъ около 30 тому назадъ въ Иркутскѣ ходило слѣдующее стихотвореніе, подъ названіемъ „Плачъ рыжаго“; содержаніе его основано на дѣйствительномъ событіи.

* * *

Плачетъ рыжій въ горѣ, страхѣ;
Бородой своей трясетъ.
И, валяяся во прахѣ,
Громко къ небу вопіетъ.

* * *

Двадцать тысячъ чистоганомъ
Въ бабьемъ зракѣ сатана
У него взяла обманомъ,
Эта блудная жена.

* * *

Но не ихъ жалѣетъ рыжій:
Въ монастырскихъ сундукахъ
Денегъ много и они же
Въ настоятельскихъ рукахъ.

* * *

Жаль красотку! Не для ней ли
Онъ и рай и адъ забылъ;
И не съ ней ли въ своей кельѣ
Дни и почи проводилъ?

* * *

Не сама ль она, ласкаясь,
Старцу Божью отдалась;
Обнимая и лобзая,
Въ вѣчной вѣрности клялась?

* * *

— Ради имени Христова,
Возвратись, я все прощу!
. . . . . .
. . . . . .

* * *

На прощанье вопли, стоны...
Тщетно молится чудакъ...
. . . . . .
. . . . . .

* * *

Самъ владыка съ утѣшеньемъ
Къ старцу въ келію идетъ
И грѣхамъ его прощенье
Онъ съ любовію даетъ.

* * *

— Что ты плачешь, грѣховодникъ?—
Архипастырь говоритъ.—
Денегъ жаль?—Святой угодникъ
Ихъ сторицей возвратитъ.

* * *

Сашу жаль? Всѣ грады наши
По Сибири обойдемъ
И другую, краше Саши,
Мы тебѣ, отецъ, найдемъ!

* * *

Но не въ помощь утѣшенье...
Старецъ стонетъ, вопіетъ;
И въ мучительномъ томленьи
Онъ владыкѣ говоритъ:

* * *

— Знаю я, грѣхи всѣ наши
Ты, владыко мой, простишь,
Но увы, милашки Саши
Ты ужъ мнѣ не возвратишь!

Редакторъ-Издатель А. Линьковъ.